№ 356

КІЕВЛЯНИНЪ

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ

ПЯТНИЦА, 25-го ДЕКАБРЯ 1898 ГОДА.

Годъ тридцать пятый.

№ 356

РЕДАКЦІЯ „КІЕВЛЯНИНА“ открыта для посѣтителей по дѣламъ газеты ежедневно, отъ 2-хъ до 4-хъ час. пополуд. Статьи для напечатанія должны быть присылаемы за подписью автора и съ обозначеніемъ адреса, хотя-бы авторъ пожелалъ скрыть свое имя въ печати. Статьи, доставляемыя безъ означенія условій, считаются безплатными. *Мелкія замѣтки и корреспонденціи вовсе не возвращаются.* Статьи, признанныя редакціею неудобными къ печатанію, сохраняются въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ редакціи; возвращенія ихъ по почтѣ редакція на себя не принимаетъ. Принятыя для напечатанія статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію.

Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: 1) въ главной конторѣ редакціи „Кіевлянина“—уголъ Караваевской и Кузнечной ул., близъ университета отъ 10 ч. утра до 8 ч. вечера; 2) въ крещатикскомъ отдѣленіи конторы при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина; 3) въ подольскомъ отдѣленіи конторы при складѣ бумаги Дитятковской фабрики, Гостинный рядъ № 14; 4) въ **Парижѣ**: Société Havas Laffite et C° Place de la Bourse à Paris.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

„Кіевлянинъ“ съ доставк. и перес.: на годъ—12 р.; на 11 м.—11 р. 20 к., на 10 м.—10 р. 60 к., на 9 м.—9 р. 40 к., на 8 м.—8 р. 80 к., на 7 м.—8 р., на 6 м.—7 р., на 5 м.—6 р. 20 к., на 4 м.—5 р. 40 к., на 3 м.—4 р. 50 к., на 2 м.—3 р., на 1 м.—1 р. 50 к.; **безъ дост. и перес.:** на годъ—10 р., на 11 м.—9 р. 40 к., на 10 м.—8 р. 80 к., на 9 м.—8 р. 20 к., на 8 м.—7 р. 60 к., на 7 м.—7 р., на 6 м.—6 р., на 5 м.—5 р., на 4 м.—4 р., на 3 м.—3 р., на 2 м.—2 р., на 1 м.—1 р. Городскіе годовые подписчики пользуются разсрочкой по соглашенію съ конторой „Кіевлянина“; иногородные годовые подписчики, желающіе воспользоваться разсрочкой, вносятъ къ 1-му января—5 р., къ 1-му апрѣля—4 р. и къ 1-му іюля—3 р. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1 числа каждаго мѣсяца и **не далѣе, какъ до конца года.** За перемѣну адреса город. подписч., переходя въ иногородные, уплачиваютъ 50 к., а иногородные 30 к. При перемѣнѣ адр. просятъ прилагать печатный адресъ.

Такса за печатаніе объявленій: за одну строку въ столбцѣ или ея мѣсто: впереди текста за первый разъ 40 к., за каждый слѣдующій разъ по 20 к.; позади текста за первый разъ 20 к., за слѣдующіе разы по 10к.

Телефонъ редакціи „Кіевлянинъ“ № 63.
Телефонъ крещатикскаго отдѣленія конторы „Кіевлянина“ (Книжный магазинъ Н. Я. Оглоблина) № 770.
Телефонъ типографіи И. Н. Кушнеревъ и К° № 89.

Слѣдующій номеръ газеты, по случаю праздника Рождества Христова, выйдетъ въ понедѣльникъ, 28 декабря.

Рождественскій номеръ.

МИРЪ МІРУ.

Стихотворенія Л. Михайлова.

Гаснутъ послѣднія зори заката,
Робко бѣгутъ передъ мракомъ глубокимъ,
Свѣта недавняго нѣтъ и слѣда.

Трепетомъ счастья природа объята:
Тамъ, въ небесахъ, надъ странами Востока,
Чудная вдругъ загорѣлась звѣзда.

Да, загорѣлась—и въ кроткомъ сіяньи,
Новымъ путемъ подвигаясь надъ міромъ,
Всѣмъ указуетъ, гдѣ райскій чертогъ.

Радость землѣ! То—душа мірозданья,
То—разрушенье всѣхъ храмовъ кумирамъ,
То—на землѣ воплотившійся Богъ!

⁂

Много столѣтій проходитъ и снова
Міръ погрузился во мракъ безъ просвѣта—
Имъ овладѣли тревожные сны.

Словно забыто священное слово:
«Миръ всему міру»—то слово завѣта,
Что покорило народы полсвѣта
И заглушило кличъ бранный Войны.

Но загорѣлася вновь на Востокѣ
Чудная звѣздочка братства народовъ—
Шествуетъ, всюду роняя свой лучъ.

Міръ пробужденъ—и ужъ миръ недалёко,
Миръ на землѣ, миръ съ дарами свободы,
Съ счастьемъ довольства на многіе годы...
Свѣтъ той звѣзды—всепобѣденъ, могучъ.

Кіевъ, 24 декабря 1898 г.

ЕЛКА.

I.

Въ тотъ край суровый и далекій,
Гдѣ плещетъ бурный океанъ,
Толпою жадной и жестокой
Собрались мы изъ разныхъ странъ...
Межъ горъ, увѣнчанныхъ лѣсами,
Въ оврагахъ темныхъ и глухихъ,
Томясь корыстными мечтами,
Мы не щадили силъ своихъ:
Копались въ розсыпи богатой,
Песокъ искали золотой
И жадно въ глубь земли сырой
Вонзались тяжкою лопатой...
То былъ ужасный трудъ людей,
Гонимыхъ жаждою наживы,
Среди безплодной дикой нивы,
Вдали отъ родины своей.
Межъ безсердечною толпою
Тамъ жизнь цѣнилась ни по чемъ,
Счастливецъ въ день былъ богачемъ
Несчастный, горькою судьбою
Сраженный, молча умиралъ,
Никто ему не помогалъ.
Никто не зналъ любви и братства...
Одинъ копилъ свое богатство,
Другой безумно расточалъ.
По вечерамъ являлись карты,
Велась безумная игра,
И демонъ дикаго азарта
Царилъ всевластно до утра.
За звукомъ пѣсенки веселой
Проклятій раздавался вой,
И часто ножъ въ рукѣ тяжелой
Сверкалъ надъ буйной головой..

II.

Въ землянкѣ грязной, но просторной
Насъ жило шестеро въ тѣ дни:
Я, вашъ слуга, Мишель Гарни,
Французъ веселый и проворный
Отважный маленькій и черный,
Джонъ Айверъ тощій и худой
Холодный житель Альбіона,
Китаецъ желтый изъ Кантона
Трудолюбивый и нѣмой,
Упорный нѣмецъ безъимянный
Съ огромной рыжей бородой
И шведъ съ какой-то кличкой странной
Угрюмый малый, ростъ въ сажень,
Какъ быкъ, работалъ цѣлый день...
Полгода мы трудились вмѣстѣ,
Всякъ только думалъ о себѣ
И рылъ, упорно ожидая,
Когда захочется судьбѣ
Вдругъ наградить богатой жилой...
Все чаще мрачною могилой
Казалось намъ землянка та.
Неуловимая мечта
Все оставалася мечтою
И рѣдко пылью золотою
Мы наполняли кошелекъ,
Окончивъ тягостный урокъ...
Пришла зима. Лѣса и горы
Покрылись ризой снѣговой,
На стеклахъ хижины узоры
Нарисовалъ морозъ сѣдой.
Пришлось прервать свою работу;
Тогда мы всѣ до лучшихъ дней
Ходили вмѣстѣ на охоту
И били черныхъ медвѣдей.
Среди тяжелыхъ испытаній,
Лишеній горькихъ и страданій,
Какъ сталь, окрѣпнули сердца.
Всегда въ занятіи суровомъ
Не разгоняли теплымъ словомъ
Мы тѣнь съ угрюмаго лица...
И вотъ насталъ въ томъ чуждомъ краѣ
Канунъ святого Рождества...

III.

Исполненъ вечеръ былъ печали,
Въ землянкѣ темной мы лежали,
Мечтая, Богъ знаетъ, о чемъ...
И скорбь, такая скорбь нѣмая
Явилась, сердце намъ терзая,
Что мы вздохнули въ шестеромъ...
Но вдругъ Мишель вскочилъ нежданно,
Засуетился, взялъ топоръ.
Джонъ Айверъ, сынъ страны туманной,
Лѣниво поднялъ тусклый взоръ:
—Куда? Я въ лѣсъ—достану елку!
Устроимъ елку, господа,
Пускай съ веселыми огнями
Она появится сюда!..
И всѣ мы сразу оживились,
Убрали лучшій уголокъ,
Послали шведа къ маркитанту.
Зажгли веселый огонекъ:
Джонъ Айверъ самъ пцатаетъ свѣчки,
А нѣмецъ возится съ звѣздой,
Американскіе орѣхи
Я крашу пылью золотой.
Китаецъ желтый, самъ не зная,
Въ чемъ дѣло, просвѣтлѣлъ душой,
Смѣется и плететъ гирлянды,
Тряся косичкою сѣдой.
Со смѣхомъ, съ радостью во взорѣ
Мишель Горни явился вскорѣ.
Отъ вѣтви елки молодой
Пахнуло свѣжестью лѣсной
Пахнуло родиной далекой...
Потокъ живительный тепла
Душа нежданно приняла,
И, позабывши трудъ жестокій,
Мы съ дѣтской радостью зажгли
На елкѣ яркіе огни...
Усѣлись. Жадными глазами
Глядимъ, глядимъ на деревцо...
У шведа теплыми слезами
Смочилось жесткое лицо,
Заплакалъ нѣмецъ, вытирая
Глаза корявымъ кулакомъ,
Джонъ Айверъ тихо прослезился,
Какъ ледъ подъ солнечнымъ тепломъ.
И я съ Мишелемъ заревѣли
Отъ умиленья, какъ быки...
А звѣзды весело горѣли,
И такъ мерцали огоньки!..
Китаецъ, видя наши слезы
И смѣхъ и весь восторгъ нѣмой,
Заплакалъ тоже, вспоминая
Кантонъ и домикъ свой родной...

IV.

Но вотъ нежданно смѣхъ сосѣда
Раздался громко подъ окномъ:
Онъ думалъ, что у насъ съ виномъ
Идетъ веселая бесѣда...
Вошелъ и вдругъ умолкнулъ онъ:
Въ глазахъ блеснуло умиленье,
Восторгъ, живое восхищенье
Его проникли... это сонъ:
Родная елка!.. вся огнями
Горитъ подъ яркою звѣздой,
Какъ будто дома очутился
Онъ межъ родимою семьей...
Какое счастье въ краѣ дикомъ!..
И выбѣжалъ съ веселымъ крикомъ
Сосѣдъ на дворъ:—сюда, сюда
Скорѣй идите, господа!..
Вся наша скромная землянка
Окружена была толпой,
Въ тотъ мигъ забывшей все на свѣтѣ,
Вино, игру и споръ живой...
Глаза суровые смотрѣли
Сквозь слезы... сразу тишина
Въ поселкѣ шумномъ воцарилась.
Душа у каждаго полна
Была святыхъ воспоминаній,
И не было души такой,
Которой бы казалась елка
Та незнакомой иль чужой...
И въ каждомъ сердцѣ шевельнулась
Давно уснувшая любовь,
Забытая въ погонѣ жадной
Въ волненьи тягостномъ трудовъ.
Небесный сводъ раздался шире,
Блеснули звѣзды въ вышинѣ,
И хоры ангеловъ, казалось,
Въ той чудной пѣли тишинѣ.

V.

Немного овладѣвъ собою,
Джонъ Айверъ чудный гимнъ запѣлъ.
Вторили всѣ ему гурьбою
По простотѣ, кто какъ умѣлъ...
Гласилъ тотъ гимнъ, что въ Виѳлеемѣ,
Явилась звѣздочка, блестя
Надъ той пещерой, гдѣ родилось
Святое, Свѣтлое Дитя...
Шли пастухи, покинувъ стадо,
На поклоненіе туда,
Волхвамъ дорогу указала
Сіяньемъ радостнымъ звѣзда.
Христосъ родился... въ царствѣ мрака
Явилась свѣтлая любовь—
Простой завѣтъ любви и братства
Для богачей и бѣдняковъ...
Въ тотъ мигъ прекрасная погода
Стояла тихо. Легкимъ сномъ
Дремала чуткая природа.
На сводѣ неба голубомъ
Горѣли звѣзды, какъ алмазы...
И сколько видно было глазу,
Въ тиши долинъ, на высяхъ горъ
Все снѣговой бѣлѣлъ уборъ.
И ели стройныя, рядами
Остановясь на крутизнѣ,
Поникли темными вѣтвями
Въ благоговѣйной тишинѣ...
Тогда, окончивъ гимнъ, гурьбою
Всѣ нашу елку понесли
Туда, гдѣ межъ густыхъ деревьевъ
Стояли хижины вдали.
Дѣтьми къ сіяющей приманкѣ
Всѣ устремились, какъ одинъ:
Испанецъ, нѣмецъ, грубый янки,
Французъ и грустный славянинъ.
И радость дѣтская блеснула
На черныхъ лицахъ удальцовъ,
Какъ лучъ, прорѣзавшій на небѣ
Тьму непроглядныхъ облаковъ...

⁂

Среди тяжелыхъ испытаній
Съ тѣхъ поръ прошло не мало дней..,
Не мало горя и страданій
Извѣдалъ въ жизни я своей.
Теперь въ награду мнѣ послала
Судьба уютный уголокъ,
И я спокойно догораю,
Какъ въ тепломъ домѣ каменекъ...
И каждый разъ, когда въ сочельникъ
Я вижу радостныхъ дѣтей,
Мнѣ ясно память представляетъ
Тотъ дикій край и тѣхъ людей...
И я тихонько повторяю:
Рѣзвитесь, дѣти, этотъ часъ
Храните въ памяти навѣки,
Утѣшитъ онъ когда-то васъ!..
И средь холода нежданно
Пахнетъ живительнымъ тепломъ,
Пахнетъ весной благоуханной,
Напомнитъ вамъ родимый домъ...

Ю. В. Ревякинъ.

23 декабря.

КАЗАЦКІЙ ПОХОДЪ.

Святочный разсказъ.

—Лѣтъ сто назадъ, а можетъ быть и больше, стоялъ подъ Полтавою небольшой хуторокъ, возлѣ котораго не только ночью, но и днемъ сосѣдніе казаки ѣздили съ большою опаскою. Вы, навѣрное, думаете, что тамъ водилась какая нибудь чертовщина или жила старая вѣдьма, съ черноватымъ хвостикомъ. Ничего такого тамъ не было, а жили три запорожскихъ казака, люди очень почтенные, которымъ самъ чертъ не хотѣлъ-бы попасться въ зубы. Въ то время Сѣчи приходилъ конецъ, и я не знаю, сами-ли казаки пришли на Полтавщину, или ихъ загнала злая судьба. Жили казаки хорошо и богато, а чѣмъ жили, то за давностью времени теперь неизвѣстно. Не мало, должно быть, золота раздобыли они съ молоду, потому что доживали свой вѣкъ такъ, какъ въ пору и хорошему пану. Было у нихъ только двое работниковъ-татаръ, которымъ ихъ товарищи въ свое время, подъ веселую руку, отрѣзали уши и носы, да не отрѣзали головъ, потому что заступились за нихъ Грызодубъ, Стрикачъ, и Попередько, какъ назывались наши казаки. Некрещеный татаринъ тоже добро помнитъ, и потому слуги и хозяева жили душа въ душу. Только не любили ихъ окрестные жители, ибо водились за ними кое-какія шалости. Старые коршуны скучали безъ добычи и хотя сосѣдей не трогали, но заѣзжій панъ или еврей долго потомъ вспоминалъ старыхъ запорожцевъ. Но объ этомъ лучше могли-бы разсказать темныя ночи, когда старая кровь начинала ходить ходуномъ и чесались удалыя руки. Правда, рѣдко это случалось, но все-таки случалось. Да не къ тому я веду рѣчь. Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, а на Сѣчи всякаго народа бывало, что грѣха таить.

Наступило Рождество. Третій день пили старые пріятели. Иногда выйдутъ, посидятъ на морозѣ въ однѣхъ рубашкахъ, безъ кафтановъ и шапокъ, а потомъ снова отогрѣваются. Грызодубъ въ этотъ день куда-то пропалъ съ утра. Пріятели хорошо не помнили, куда онъ и зачѣмъ ушелъ. Были уже сумерки, когда Грызодубъ возвратился и дружески привѣтствовалъ товарищей.

—А, сто чертей вашей матери, радостно воскликнулъ онъ, увидя, что Стрикачъ и Попередько танцовали въ хатѣ трепака, скользя ногами по пролитой сливянкѣ.

—И ты будь здоровъ, отвѣчали они разомъ, переставая танцовать,—куда ходилъ, плѣшивый макогонъ?

—Въ Сокирницы ходилъ и такую штуку узналъ, что, ей Богу, дадите мнѣ водки, чтобы разсказать вамъ.

—Ты такъ и умрешь пьяницей, назидательно замѣтилъ Стрикачъ, ну, разсказывай!

—Вы знаете заливанскаго пана—Ходорка. У него дочка пропала.

—Пускай-бы всѣ бабы пропали, замѣтилъ спокойно Попередько, поганое это дѣло. Что-жъ ее «дидько» ухватилъ или какъ?

—Вотъ то-то и есть, что не чертъ. Вышла она вечеромъ провѣтриться по двору, а тутъ ей на голову кожухъ, да поясомъ, да на лошадь, и тю—тю!

—Есть-же такіе дурни на свѣтѣ, замѣтилъ Попередько, потягивая люльку.

—Иду я въ село, а меня догоняетъ панъ Ходорко. Такъ и такъ, говоритъ, думаю, что дочку-то укралъ старый Зозуленко; дала она гарбуза ему, а онъ, стало-быть, силою. Ты, говоритъ Ходорко, и твои запорожцы должны дочку назадъ выкрасть, потому что силою ничего съ Зозуленко не сдѣлаешь. Все равно, задушитъ, а не отдастъ. Вотъ что сказалъ панъ Ходорко.

—Ге, ге, ге! замѣтили оба казака. Дѣло хорошее. А сколько онъ обѣщалъ?

—Да много: по сто червонцевъ, говоритъ, или спалю, говоритъ, ваше воронье гнѣздо.

—Значитъ, теперь и приниматься?

—Сейчасъ итти, и конецъ, отвѣчалъ Грызодубъ рѣшительно.

Старые казаки не долго размышляли. Не даромъ они видали разные виды. Планъ похода былъ составленъ, прежде чѣмъ сулея стала порожней. Осторожные, хотя храбрые воины, они знали прекрасно, что предпріятіе почти безумное. Старый Зозуленко сидѣлъ, какъ воронъ на столѣтнемъ гнѣздѣ, въ своемъ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ, какіе тогда уже водились въ Малороссіи. Домъ этотъ перешелъ ему отъ какого-то магната временъ Елисаветы и сдѣлался еще мрачнѣе и пустыннѣе въ рукахъ новаго владѣльца, который окружилъ его каменной стѣной и сидѣлъ одинъ, злобствуя на весь міръ за какія-то неудачи. Зозуленко сталъ еще угрюмѣе, когда годъ назадъ умерла его жена, достойная своего супруга. Но и старый кремень даетъ горячую искру. Когда вдовецъ служилъ въ церкви сорокоустъ по покойницѣ, онъ увидѣлъ тамъ красавицу Марусю, дочь пана Ходорко, которая цвѣла пышнымъ цвѣтомъ своихъ семнадцати лѣтъ. Въ тѣ жестокія времена люди, подобные Зозуленко, не знали препонъ самымъ дикимъ своимъ желаніямъ, и когда сваты влюбленнаго пана принесли ему жесточайшій отказъ, Зозуленко не задумался обратится къ силѣ.

Была глухая, темная ночь. Клубилась метель и сыпала безъ милосердія въ лица и на усы старыхъ воиновъ. Дороги было верстъ пять, и наши герои скоро подобрались къ запущенному саду позади угрюмаго дома. Какъ черный исполинскій камень, темнѣлъ онъ въ отдаленіи, на пригоркѣ, охваченный леденящимъ вѣтромъ, который съ дикими воплями бился о замороженныя стѣны. Передъ каменной оградой казаки остановились. Попередько вытащилъ огромную баклагу изъ необъятнаго кармана и всѣ трое дружно потянули поочередно. Предстояло разработать окончательный планъ.

—Гм! сказалъ Попередько.

—Гм! повторили товарищи.

—Хорошо было-бы, если-бы панночка гуляла теперь въ саду, замѣтилъ Грызодубъ.

—Мы-бы сказали ей, что мы пришли, и она сама-бы перелѣзла къ намъ.

—Вотъ и дуракъ, сказалъ Стрикачъ, какъ-же она можетъ перелѣзть черезъ такую ограду!

Однако, пора было дѣйствовать. Грызодубъ сталъ на четвереньки, на немъ въ такой-же позѣ помѣстился Стрикачъ; болѣе легкій Попередько взобрался на нихъ и ухватился за желѣзную спицу забора. Еще минута, и старый казакъ балансировалъ на каменной стѣнѣ. Прежде всего онъ выбросилъ свѣжую баклагу изъ кармана въ садъ на снѣговую кучу изъ опасенія повредить драгоцѣнность, столь необходимую во всѣхъ отважныхъ предпріятіяхъ. Онъ свѣсилъ потомъ ноги, за которыя ухватился Стрикачъ, подпираемый снизу Грызодубомъ. Еще минута, и всѣ трое грузно перевалились въ снѣгъ по ту сторону ограды. Казаки ощупали свои пистолеты и кинжалы. Старый филинъ крикнулъ у нихъ надъ самымъ ухомъ. Они сплюнули.

Казаки твердо знали обычаи своей страны и были убѣждены, что сегодня, по случаю праздника, всѣ слуги въ домѣ пьяны поголовно. Они знали, что покои стараго пана были во второмъ этажѣ, въ боковомъ крылѣ. По всей вѣроятности, сюда слѣдуетъ направить аттаку. Было за полночь, и ни единая искра свѣта не освѣщала этой темницы. Больше всего они надѣялись на огарокъ изъ мертвецкаго жира, который сохранился у нихъ, какъ великая драгоцѣнность, еще съ того времени, когда ихъ «по подозрѣнію» выгнали товарищи изъ Сѣчи, предварительно отодравши батожьемъ.

Къ задней половинѣ дома примыкала крытая галлерея съ колоннами, выходящая въ садъ. Нѣсколько попорченныхъ статуй украшали ее.

—Сказано, камень: ему и голому не холодно стоять, замѣтилъ Попередько про себя и началъ карабкаться за товарищами по дереву, чтобы попасть на крышу галлереи. Отсюда пробраться къ окну уже было не трудно. Стоя всѣ трое на крышѣ, они осторожно высаживали широкую шибку венеціанскаго окна, предварительно намазавши на тряпку меду. Приложивши ее къ стеклу, ночные рыцари высадили шибку почти неслышно.

—Зажигай огарокъ, шепнулъ Грызодубъ, никто ничего не услышитъ.

Стрикачъ высѣкъ огонь. Слабый блескъ освѣтилъ огромную залу. Казакамъ сдѣлалось жутко. До сихъ поръ, если случалось, они гуляли только на вольномъ воздухѣ. Первый разъ они въ чужомъ, огромномъ и молчащемъ домѣ. Изъ разбитаго окна потянуло холодомъ. Струя воздуха шевелила желтоватое пламя свѣчи. Особенно ихъ смущали старинные портреты, блестящіе глаза которыхъ все поворачивались въ ихъ сторону. Имъ казалось, что это покойники, прибитые къ стѣнѣ. Казаки сняли свои сапоги, положа ихъ на бархатный диванъ, и тихо ступали по полу ногами, обернутыми онучами. Изрядная порція хмѣля и природное мужество помогали имъ въ этомъ рискованномъ предпріятіи. Зала оказалась очень длинной. Гдѣ-то высоко подъ потолкомъ шевелились и бѣгали какія-то тѣни. Въ черныхъ углахъ, между старинной мебелью, казалось, сидѣли какія-то черныя чудовища, которыя притаились и каждую минуту готовы были крикнуть: а, голубчики, теперь не уйдете.

Попередько громко чихнулъ, но въ туже минуту получилъ страшную затрещину по затылку.

—Молчи, собачій сынъ, сказалъ Грызодубъ, нѣсколько блѣднѣя. И было чего! Въ ту-же минуту вся зала наполнилась громкимъ чиханіемъ. Чихали на верху, снизу, съ боковъ. Казаки почти бѣгомъ пробѣжали въ слѣдующую комнату. Не столь большая и пустынная, она нѣсколько успокоила ихъ.

—Какъ хочешь, кумъ, а я озябъ, заявилъ Попередько.

Казаки сѣли на диванъ и зажгли двѣ сальныя свѣчи, стоявшія на каминѣ. Не даромъ они были запорожцы! Другой давно-бы вернулся изъ проклятаго дома, да уже совѣсть не позволяла. Кромѣ того, они всѣ знали заклятія противъ нечистой силы, а живыхъ людей они никогда не боялись, обыкновенно, какъ я сказалъ, живые люди сами ихъ боялись, значитъ, толковать нечего. Достанемъ царевну, чтобы ей перевернуться.

Въ комнатѣ раздалось бульканье. Но этотъ звукъ казаки могли различить среди тысячи другихъ и ничуть не испугались.

—А что, кумъ Арсеній, спросилъ Стрикачъ, много у тебя заряду?

—До свѣта хватитъ, отвѣчалъ Попередько, показывая на свои необъятные штаны, больше похожіе на винный погребъ, чѣмъ на казацкую одежду.

Стрикачъ настолько набрался храбрости, что началъ бродить по комнатѣ. Случайно онъ заглянулъ за какой-то шкафъ и застылъ на мѣстѣ: въ полутьмѣ стоялъ скелетъ съ оскаленными зубами и черными дырами вмѣсто глазъ. Скелетъ шатался и кивалъ головой. Стрикачъ облился холоднымъ потомъ; языкъ его обратился въ колоду. Вдругъ что-то черное сорвалось со скелета, повисло на одну секунду на казакѣ и въ ту-же минуту исчезло. Преданіе говоритъ, что это была мышь, испуганная нежданнымъ гостемъ, но Стрикачъ думалъ иначе.

—А... ва... ва... ва, бормоталъ онъ трясущейся челюстью и ринулся на средину комнаты.

Когда онъ разсказалъ, въ чемъ дѣло, казаки поспѣшно стали творить заклинанія; они были блѣдны и опрометью убѣжали изъ комнаты въ корридоръ... Однако, и на этотъ разъ совѣсть не позволила возвратиться. Надо было итти дальше. Казаки погасили свѣчи и пустились по высокому корридору со своимъ огаркомъ.

Пройдя рядъ заснувшихъ комнатъ, они замѣтили впереди какой-то мерцающій свѣтъ. Онъ шевелился по стѣнамъ и казался гдѣ-то очень далеко. Казаки удвоили осторожность. «Не спитъ, старый чертъ», подумали они. Грызодубъ попробовалъ пистолеты.

—Жаль, что я не взялъ сапога, подумалъ Стрикачъ, я-бы засунулъ тебѣ въ горло!

Вдругъ казаки съ изумленіемъ почувствовали какой-то запахъ; только въ турецкихъ садахъ, гдѣ они крали яблоки, они слыхали такое благоуханіе. Казалось, въ эту холодную зимнюю ночь по темному дому пролетѣла неожиданнымъ ангеломъ сама свѣтлая, благовонная весна, брызгая со своихъ крыльевъ каплями пахучей росы. Чудный запахъ этотъ росъ и подымался все выше и выше, окружая, будто облакомъ, казаковъ и тумана имъ головы... Но что это передъ ними? пьяны они, или ходятъ во снѣ? Комната—не комната: развѣ въ хатахъ растутъ деревья? Но это и не садъ, потому что есть потолокъ и кругомъ видиѣются какія-то стекла, синія, красныя, зеленыя. Между деревьями мелькаютъ желтыя свѣчи. Казаки застыли отъ изумленія и восторга. Имъ было и страшно, и сладостно на душѣ, будто кто нибудь потихоньку почесывалъ имъ пятки. Ноги ихъ казались налитыми свинцомъ, но они и не думали уходить обратно. Незримая сила, страшная и вмѣстѣ чарующая, держала ихъ въ этомъ заколдованномъ саду. Казаки двинулись немного впередъ изъ-за деревьевъ и сразу оцѣпенѣли: посреди сада, на открытомъ мѣстѣ, возвышался какой-то помость, покрытый серебряной парчей; дивной красоты дѣвушка-покойница лежала на возвышеніи, которое кругомъ было засыпано цвѣтами, мелкими и крупными, нестерпимо душистыми. Желтоватыя волны восковыхъ свѣчей, качаясь, носились и по лицу покойницы, и по ея бѣлой кисейной рубахѣ, съ широкими вышитыми рукавами, и по узорчатой красной юбкѣ. Мертвыя ножки красавицы, въ парчевыхъ башмачкахъ, видиѣлись изъ подъ края расшитаго шелками платья. Казаки впились въ лицо красавицы очарованнымъ взоромъ: всю жизнь они презирали женскую красоту, а еще болѣе саму женщину; но такого лица они никогда не видали. Бѣлоснѣжная кожа еще не утратила своей живой нѣжности, поблѣднѣвшія щеки еще дышали дѣвическимъ румянцемъ; темныя брови, двумя пушистыми полукругами выдѣлялись на матово-блѣдномъ челѣ; черныя рѣсницы мертвыми стрѣлами закрывали потухшія очи; маленькій ровный бѣлый носикъ и еще недавно розовыя, какъ заря Украины, губы, покрытыя легкимъ темнымъ пухомъ, застыли въ своей неподвижной и молчащей красотѣ. Но дивнаго выраженія было исполнено это лицо, укутанное прядями темно-русыхъ волосъ. Безконечно-грустное, неподвижное, оно, казалось, сохранило на себѣ всѣ свои слезы, всю тоску своего отчаянья, все недосказанное, невыплаканное... Какъ срѣзанный цвѣтокъ, лежала она передъ казаками, которые понурили свои сѣдыя головы и долго стояли, не шевельнувшись.

Легкій храпъ гдѣ-то по близости вывелъ ихъ изъ такого состоянія. Казаки разомъ увидѣли съ боку помоста, на которомъ лежала красавица, между табуретомъ и деревьями, полусидящую фигуру заснувшаго пономаря; раскрытый псалтырь очутился на полу. Присмотрѣвшись, казаки узнали своего знакомца: это былъ Василій Терентьичъ, сосѣдній пономарь, очевидно приглашенный читать по покойницѣ. Черная жидкая бородка его перекосилась на сторону, лицо, больше похожее на пятку африканскаго короля, было исполнено самой сладкой безмятежности. Одинъ усъ, длинный и черный, какъ чумацкій кнутъ, оказался немного подсмаленнымъ.

Казаки сразу повеселѣли и двинулись было разбудить своего друга, чтобы узнать все ихъ поразившее.

—О, лысаго батька ему въ зубы, сказалъ Попередько; онъ особенно расхрабрился—здорово набрался пономарь зозуленковской горѣлки!

—И грамотный человѣкъ, а на водкѣ слабѣетъ! прибавилъ Грызодубъ.

—Кумъ, кумъ! подымайся, будили они издали пономаря; отвѣта не было. Они подошли къ безчувственному другу и Попередько такъ сильно дернулъ его за усъ, что Василій Терентьичъ проснулся.

—Будь милостивъ, кумъ, скажи, ради Пречистой, что это за оказія?

Пономарь понемногу очнулся, медленно надѣлъ, неизвѣстно почему, снятый сапогъ, сплюнулъ черезъ губу и усѣлся на табуретѣ, поднимая псалтырь. Онъ нисколько, казалось, не удивился, увидя вдругъ передъ собой трехъ знакомыхъ казаковъ.

—Что-жъ вамъ говорить, замѣтилъ онъ меланхолически; три дня мучилъ ее старый панъ; то съ кнутомъ ходитъ, то на колѣняхъ стоитъ. Люби меня, говоритъ, пожалѣй мою лысую голову; будешь ты медовую росу пить и пряникомъ закусывать, говоритъ, а не полюбишь, не поцѣлуешь устами своими вишневыми, на цѣпи въ темномъ подвалѣ умрешь.

—А у него, къ слову сказать, замѣтилъ Попередько, должно быть не мало тамъ горѣлки содержится.

—Приходитъ панъ сегодня въ ея горницу (ключникъ разсказывалъ), а она слезами заливается. Какъ увидала его, вся затруслась, какъ верба на вѣтрѣ, стоитъ руки опустила, только очи грозныя, огнемъ такъ и горятъ. Говори послѣдній разъ, закричалъ на нее панъ, а она какъ опалитъ его огненнымъ окомъ. Ударилъ онъ ее нагайкою... кисею на рубахѣ разсѣкъ. Крикнула она не своимъ голосомъ, да на землю—и духъ вонъ.

—У бабы душа пушистая, такъ и вылетитъ, замѣтилъ Грызодубъ—одначе, это тоже грѣхомъ считается.

—Позвалъ меня старый Зозуленко: —читай ты, говоритъ, надъ нею три дня и три ночи, никому не разсказывай, а я на нее и смотрѣть не хочу. Сидитъ онъ въ углу, старый чортъ, и глазами ворочаетъ какъ сычъ. Вся дворня со страху напилась, какъ пчелы меду. Да и мнѣ безъ сулеи сидѣть здѣсь никакъ невозможно, иной разъ такой страхъ, что отъ горла и не оторвешься.

Гдѣ то въ отдаленіи послышались тяжелые шаги и старческій кашель наполнилъ корридоръ.

—Ховайтесь, скорѣе ховайтесь—закричалъ пономарь,—старый панъ идетъ!

Казаки прыгнули въ дальній уголъ и запрятались за деревьями вмѣстѣ съ пономаремъ. Черезъ нѣсколько секундъ на порогѣ выдвинулась высокая фигура грознаго пана въ красномъ казацкомъ одѣяніи. Дико смотрѣли изъ подъ крутого лба свирѣпыя очи, никогда не знавшія пощады. Презрительно скошенный ротъ шевелился подъ сѣдыми съ желтизной усами. Близко подошелъ старый панъ, шаркая по полу желтыми сапогами, и уставился глазами на мертвое лицо.

Безумной тоскою и злобою горѣли сѣрые глаза пана. Красота покойницы захватывала всю его душу, но къ чему теперь эта красота? Ни силою, ни лаской не вырветъ онъ ни единаго лобзанія, не почуетъ она и бѣшеной злобы его, не станетъ передъ нимъ, негодущая, съ искрометными своими очами, но все-же живая и прекрасная.

Въ бѣшенствѣ выхватилъ панъ свою желѣзную саблю; еще секунда—и безчестный ударъ поразилъ-бы бездыханное тѣло.

Но застыла рука пана съ поднятою саблей, желѣзныя клещи обхватили его со всѣхъ сторонъ; казацкая онуча мигомъ заклепала нечестивый ротъ.

—Гайда, Галайда! закричали запорожцы, вспоминая лихія времена.

Мигомъ отлетѣла пола у подрясника пономаря, привычныя руки скрутили ее во мгновеніе въ два жгута и связали синебагроваго Зозуленка.

Стрикачъ хотѣлъ было пошарить въ панскихъ карманахъ, но Попередько крикнулъ:

—Не бери собачьяго золота! на черта оно! заберемъ покойницу для честнаго погребенія.

Какъ перышко, подхватилъ онъ гибкое тѣло дѣвушки.

—Гайда, галайда!

Расходилось сердце казацкое, и жестокая мысль пролетѣла у нихъ молніей. Попередько толкнулъ ногою на ходу одинъ восковой подсвѣчникъ, Стрикачъ опрокинулъ другой—на помостѣ загорѣлось покрывало.

—Ну, хлопцы, драла! воскликнулъ онъ, толкая въ шею пономаря, который закружился, какъ волчекъ. Всѣ четверо пустились по корридору, по знакомой дорогѣ. Молодецкій подвигъ заставилъ ихъ позабыть всѣ страхи. Они особенно надѣялись на то, что теперь съ ними духовная особа.

Мигомъ пролетѣли они до раскрытаго окна.

—Стой, хлопцы, а чоботы?

Казаки надѣли сапоги и юркнули въ окно, выбивши каблукомъ оконный переплетъ. Бережно спустили они бездыханную Марусю на крышу галлереи и скоро очутились въ саду и за оградой. Было время спѣшить; багровое зарево стало пробиваться у нихъ за спиною.

—Къ пану Ходорку!

—Къ Ходорку!

—Эхъ, коней бы теперь, пожалѣли казаки. Но казакамъ везло въ эту ночь. Старый Шмуль, нагрузивъ водкою съ праваго берега широкія сани, поспѣвалъ домой на парѣ бойкихъ лошадей, пугливо озираясь. Казаки мигомъ перехватили его.

—Стой, искаріотъ! закричали они: пускай насъ на свои сани, да не бойся—бѣги за нами во дворъ Ходорка, а у насъ поклажа.

Пока еврей сообразилъ, въ чемъ дѣло, казаки столкнули его съ саней, усѣлись на боченки и погнали лошадей. Еврей съ крикомъ бросился за ними.

Попередько не выпускалъ своей добычи, хотя его сильно подмывало какъ-нибудь «колупнуть» изъ боченка. Вдругъ ему почудилось, что покойница шевелится. Прежде чѣмъ онъ опомнился—онъ увидѣлъ раскрытые глаза и слабый голосъ произнесъ:

—Боже мой, гдѣ я?

Казаки сильно струхнули; они инстинктивно остановили лошадей и смотрѣли другъ на друга, выпучивъ глаза. Однако, исторія говоритъ, что пономарь явился имъ на выручку. Онъ привыкъ обращаться съ покойниками запросто и былъ человѣкъ достаточно ученый, ибо не разъ проходилъ мимо Кіевской бурсы.

—Не бойтесь, хлопцы! Она Господа помянула.

—Правда, твоя правда—загудѣли они.

Проведя столько времени въ мучительной пыткѣ, разбитая и ослабѣвшая Маруся, по счастію, только потерпѣла тяжелое потрясеніе и на нѣсколько часовъ потеряла сознаніе. Быстрая ѣзда и морозный воздухъ понемногу оживили ее.

Попередько проникся вдругъ сентиментальностью.

—Панночка любезная! Ничего ты не бойся. Мы тебя прямо къ отцу «тарабанимъ».

Живая покойница мало что понимала. Казаки прикрыли ее полами своихъ жупановъ и снова полетѣли стрѣлою.

Въ домѣ пана Ходорко поднялась тревога. Дрогнуло сердце стараго батька, когда принялъ онъ изъ казацкихъ рукъ свое сокровище. Маруся узнала отца и потокомъ радостныхъ слезъ облила его сизые усы.

Честно расплатился съ казаками старый Ходорко. Не забылъ онъ и еврея, заплативши втрое ему за горѣлку. Долго сидѣли казаки съ хозяиномъ въ широкой свѣтлицѣ, перебирая червонцы въ своихъ карманахъ, долго широкіе ковши туманили казацкія головы и, какъ честные воины, полегли они на полѣ брани, на самотканныхъ коврахъ.

Только Василій Терентьичъ—человѣкъ семейный—возвратился домой.

—Хорошо, что у меня не столь длинная коса, какъ у Маруси, подумалъ онъ на другой день, вспоминая свою жену Макридію.

А. Е—въ.

ГОДЪ.

Романъ въ сонетахъ.

I.

Свирѣпая метель стучится въ мирный домъ
И прерываетъ нить безпечныхъ разговоровъ.
Морозъ заткалъ окно—причудливыхъ узоровъ
И рѣдкой красоты затѣйливымъ ковромъ.
Я подлѣ васъ сижу за маленькимъ столомъ
И, проигравъ пари въ одномъ изъ нашихъ
споровъ,
—Чтобъ написать сонетъ, согласно уговору,—
Передъ собой держу раскрытымъ вашъ
альбомъ.
И вотъ, кому не данъ высокій даръ поэта,
Въ чьемъ сердцѣ ужъ зима и, вѣрно, ледъ
въ крови,
Я долженъ здѣсь писать на языкѣ любви
Размѣромъ яркаго, горячаго сонета.
Но вѣдь сонетъ звучитъ на югѣ, среди розъ.
А что у насъ?—Январь, царитъ одинъ морозъ.

II.

Когда—вы помните?—вошелъ я въ будуаръ
И рядомъ съ вами сѣлъ у яркаго камина,—

Шутливо тотъ моментъ—семейною картиной
Назвали вы тогда, меня тѣмъ бросивъ въ жаръ.
Я не отвѣтилъ вамъ, какъ будто вдругъ угаръ
Мой отуманилъ умъ; но чувствъ моихъ руины
Вы подняли во мнѣ той шуткою невинной
И я почувствовалъ всю силу вашихъ чаръ.
Вашъ образъ въ тотъ моментъ — какъ звѣздочка въ туманѣ
Сіялъ предо мной...
Зима уходитъ въ даль,
Все ближе солнце къ намъ, кончается февраль,—
И сердцу моему все ближе вы, желанніе,
И я ловлю себя все чаще, каждый часъ,
На грезахъ сладостныхъ — на помыслахъ о васъ.

III.

Вы просите меня, чтобъ я въ «альбомъ друга»,
Какъ выразились вы, писалъ стихи свои
Хотя бы въ мѣсяцъ разъ. И вотъ, не безъ испуга,
Я въ вашъ альбомъ несу... о васъ мечты мои.
Когда сегодня днемъ вдругъ налетѣла вьюга
И принесла съ собой несмѣтные рои
Снѣжинокъ таявшихъ,—мечтой я былъ на Югѣ...
Мой утлый челнъ несли лазурныя струи
Спокойнаго, какъ вы, привѣтливаго моря.
Надъ моремъ неба высь была ясна, чиста,
Какъ друга вашего всегдашняя мечта,
И такъ заманчива, какъ ласка—въ вашемъ взорѣ.
О, нужно ль говорить, что были тамъ и вы?
Какъ было тамъ тепло... А здѣсь все снѣгъ, увы!

IV.

Вотъ, наконецъ, пришло и первое апрѣля.
Природа празднуетъ свои шестнадцать лѣтъ.
Лазурнымъ небесамъ и солнышку привѣтъ!
Привѣтъ травѣ, цвѣтамъ, побѣгамъ новымъ хмеля,
Березовой листвѣ и вѣчно юнымъ елямъ.
Мы съ вами вышли въ садъ, еще въ немъ тѣни нѣтъ,
По свѣжесть зелени и нѣжный ея цвѣтъ
Приковываютъ взоръ; веселыхъ птичекъ трели
Несутся съ вышины; а солнышко, сквозь мглу
Едва замѣтнаго, прозрачнаго тумана,
Ласкаетъ насъ тепломъ. Но... нынче день обмана.
Не вѣрьте первому апрѣльскому теплу.
Но вѣрьте вы словамъ влюбленнаго поэта:
Онъ видитъ въ васъ весну, онъ ждетъ тепла и свѣта.

V.

Въ прозрачныхъ сумеркахъ пурпуровымъ огнемъ
Лѣниво догоралъ день трепетнаго мая,
Когда влюбленная, брильянтами сверкая,
Спускалась съ неба ночь, въ безмолвіи нѣмомъ,
И мѣсяцъ молодой, въ уборѣ парчевомъ,
Навстрѣчу выходилъ къ ней, счастіемъ сіяя.
Блѣднѣетъ въ страхѣ ночь... Желаніемъ сгорая,
Возлюбленный спѣшитъ объять всю землю сномъ.
А я спѣшу къ тебѣ, сгорая жаждой встрѣчи,
Несу тебѣ я все, чѣмъ жизнь моя красна,
Несу любовь къ тебѣ, живую какъ весна,
Признанье въ ней, мольбы, восторженныя рѣчи,
Желанье видѣть вновь любимыя черты
И нѣгу перваго, плѣнительнаго «ты».

VI.

Пыль, грохотъ, духота—все, чѣмъ ужасно лѣтомъ
Жизнь въ городѣ большомъ,—служебныя дѣла,
Въ вагонѣ душномъ ночь—Создателю хвала!—
Остались позади и, съ розовымъ разсвѣтомъ,
Въ коляску пересѣвъ, я снова сталъ «поэтомъ
Природы и любви», какъ ты меня звала.
Но я поэтомъ сталъ съ тѣхъ поръ, какъ расцвѣла
Во мнѣ любовь къ тебѣ и ровнымъ, мягкимъ свѣтомъ
Мнѣ озарила все: и мракъ души моей,
И жизни скрытый смыслъ, природу, тайны міра,
—И я разбилъ съ тѣхъ поръ ничтожные кумиры,
Пою съ тѣхъ поръ зарю, свѣтъ солнечныхъ лучей,
Лѣсную сѣнь, поля, рѣки зеркальной воды,
Восторгъ моей любви и сладость дней свободы.

VII

Іюльскій жаркій день. Все дымкой голубою
Подернуто вокругъ. Такъ зноенъ сводъ небесъ,
Безмолвна такъ рѣка, такъ неподвиженъ лѣсъ,—
Что дальше двигаться нѣтъ мочи намъ съ тобою.
Мы предали себя всеобщему покою,
Усѣлись на травѣ... И вдругъ во мнѣ воскресъ
Забытой страсти зной... Въ тотъ мигъ весь міръ исчезъ
И я у ногъ твоихъ съ безмолвною мольбою.
Смятенье милаго, пылавшаго лица
Ты на груди моей поспѣшно, робко скрыла...
Возможно ль устоять предъ знойной страсти пыломъ,
Предъ счастьемъ безъ границъ, предъ лаской безъ конца?
И можно-ли въ стихахъ альбомнаго сонета
Излить весь жаръ любви, весь зной разгара лѣта?

VIII.

Ужъ мѣсяцъ я въ тоскѣ и отъ тебя вдали;
Замкнувшися въ себѣ, не покидаю дома.
Не вижу я тебя, нѣтъ милаго альбома,
Нѣтъ ничего, чѣмъ жилъ, что въ высь влекло съ земли.
Но я живу тѣмъ днемъ, когда насъ увлекли
Природа, лѣса тѣнь, обычная истома
Предъ близкою грозой,—когда удары грома,
И то не первые, въ себя насъ привели.
Вотъ надо мной сейчасъ померкнулъ сводъ лазури,
Сверкаютъ молніи, грохочетъ страшно громъ,
Потоками льетъ дождь, дрожитъ и стонетъ домъ...
А я мечтой—съ тобой, въ день памятной намъ бури,
Въ тотъ сладкій, чудный мигъ, предъ самою грозой,
Когда глаза твои сверкали бирюзой.

IX.

Жѣду, мчусь къ тебѣ. Какъ будто изъ тюрьмы,
Гдѣ я былъ заключенъ не семь недѣль, а годы,
Меня негаданно вернули на свободу
И вышелъ я на свѣтъ изъ царства вѣчной тьмы.
Мнѣ вспомнился тотъ день, когда, среди зимы,
Я проигралъ сонетъ... Назадъ всего полгода
Подумать могъ-ли я, что солнцемъ всей природы
Ты станешь для меня, что будемъ близки мы?
Но нынче солнца нѣтъ, день сѣренькій, угрюмый
Поля, гдѣ помнишь-ли?—шепталъ густой ковыль
Намъ сказки про любовь (не сказки, нѣтъ, а быль!),
И сѣро на душѣ, тоскливы, мрачны думы:
Ни слова семь недѣль, и вдругъ зовешь меня,
Зовешь сухимъ письмомъ, безъ чувства, безъ огня.

X.

Вотъ и октябрь насталъ, зима ужъ у порога
И холодъ по ночамъ ведетъ борьбу съ тепломъ.
Но солнце властное царитъ всецѣло днемъ
И кажетъ холоду окольную дорогу.
За лишній теплый день—благодаренье Богу!
Пусть медлитъ къ намъ зима, вѣдь мы ея не ждемъ.
Не ждемъ!.. А ждалъ-ли я, чтобъ ночью, подъ дождемъ,
Пришлось мнѣ уѣзжать и увозить тревогу,
—Тревогу навсегда, тревогу безъ границъ?
Когда она свою мнѣ объявила волю,—
Растерянный, въ слезахъ, ушелъ я прямо въ поле,
Рыданьямъ далъ просторъ и палъ на землю ницъ.
Я долженъ уѣзжать!.. Совсѣмъ... Надолго... Боже,
Но для меня теперь она всего дороже!

XI.

Я медлилъ, я тянулъ съ устройствомъ нужныхъ дѣлъ.
Мнѣ все не вѣрилось, что это—окончанье
Всего, чѣмъ столько жилъ; что впереди—скитанья,
Которыя теперь—послѣдній мой удѣлъ.
Я медлилъ потому, что у нея не смѣлъ
Просить послѣдняго, минутнаго свиданья;
А такъ разстаться съ ней, безъ слезъ и безъ прощанья,—
Не могъ, не въ силахъ былъ и, прямо, не хотѣлъ.
Другъ-друга знали мы... И въ вечеръ незабвенный
Какъ добрый геній мой, какъ греза полусна,
Слетѣвшая на мигъ,—явилась вдругъ она,
—Она, о свѣтлый духъ, о ангелъ вдохновенный!
То былъ послѣдній лучъ здѣсь, въ царствѣ темноты,
—Осуществленіе плѣнительной мечты.

XII.

У насъ на родинѣ, на сѣверѣ далекомъ,
Свирѣпствуетъ зима—морозы и пурга.
Деревни, города —безбрежныя снѣга
Все погребли, все спитъ въ молчаніи глубокомъ.
А здѣсь, гдѣ я теперь по странной волѣ рока,
Гдѣ тихо дремлетъ Нилъ въ привольныхъ берегахъ,
—Вездѣ роскошные, цвѣтущіе луга
И пальмы, стройныя красавицы Востока.
Здѣсь необычно все: и синева небесъ,
И пурпуръ облаковъ и темно-голубая
Вода озеръ и рѣкъ. Но я ужъ привыкаю
Къ чудесному всему въ *моей* странѣ чудесъ.
Но не привыкну я къ наибольшему здѣсь чуду:
Я безъ нея живу... Я безъ нея жить буду...

Г—ли.

СОКРОВИЩЕ ДЬЯВОЛА.

(Волынское преданье.)

Ю. В. Ревякина.

I.

Болѣе полугода жители мѣстечка Полоннаго, стоящаго надъ славной рѣкою Хоморомъ, замѣчали, что съ ихъ органистомъ Петромъ Кмитой происходитъ что-то неладное. Веселый, разговорчивый органистъ, мастеръ своего дѣла, превратился въ разсѣяннаго и крайне молчаливаго человѣка. Разсказывали, что мѣстный пробощъ уже раза два въ ужасѣ пріостанавливалъ богослуженье, такъ какъ Петръ Кмита неожиданно извлекалъ изъ органа звуки, отъ которыхъ у всѣхъ волоса поднимались дыбомъ. Одни утверждали, что Петръ Кмита, старый холостякъ, давно переваливщій за пятьдесятъ, влюбился въ какую-то полонскую красавицу, другіе-же доказывали, что, проходя въ лунную ночь мимо развалинъ древняго дворца, онъ видѣлъ бѣлый призракъ и съ тѣхъ поръ помутился разсудкомъ. Многіе старались осторожно вышытать кое-что у Петра Кмиты, но старый органистъ хранилъ глубокое молчаніе, плотно сжимая тонкія губы и придавая своему бритому лицу недоступное выраженіе...

29 ноября, вечеромъ, Петръ Кмита поспѣшно вышелъ изъ своей квартиры, затворивъ дверь огромнымъ висячимъ замкомъ. Погода была поистинѣ ужасная. Надъ мѣстечкомъ бушевала снѣжная мятель. Непроглядные столбы снѣжной пыли крутились на болѣе широкахъ улицахъ, а въ узкихъ переулкахъ образовались цѣлыя горы снѣгу. Жестокая буря бѣшено дергала во всѣ стороны скрипящія ставеньки домовъ, со свистомъ раскачивала голыя деревья и ерошила соломенныя крыши. Не обращая, однако, никакого вниманья на бурю, Петръ Кмита закутался потеплѣе въ славутскую бурку песочнаго цвѣта, и, немного сгорбивъ свой длинный сухощавый станъ, мужественно зашагалъ впередъ, то утопая по колѣни въ сугробахъ, то попадая цѣликомъ въ непроглядные столбы мятели. Поборовшись такимъ образомъ около получаса съ разгулявшейся стихіей, почтенный органистъ благополучно добрался къ небольшому, слегка покосившемуся крылечку уютнаго домика отставного майора Зелина. Переведя немного духъ и откинувъ снѣгъ, покрывшій всю бурку сверху до низу, Петръ Кмита твердымъ, какъ кость, пальцемъ звонко ударилъ въ дверь

—Господи, кого я вижу, наконецъ!.. весело вскрикнулъ майоръ Зелинъ, встрѣчая по обыкновенію гостя самымъ радушнымъ образомъ. Самоварчикъ на столѣ, милости просимъ.

Но Петръ Кмита, таинственно оглянувшись кругомъ, серьезно насупилъ брови, присыпанныя тающимъ снѣгомъ и приложилъ палецъ къ бритой губѣ.

—Тс., майоръ, прошепталъ онъ, ваши всѣ дома?

—Никого нѣтъ!.. ушли къ сосѣдямъ гулять, подъ Андрея ворожить будутъ.

—Такъ вы совершенно одни, майоръ?

—Какъ перстъ!

—Вепе, очень хорошо! тѣмъ-же шопотомъ продолжалъ органистъ, я къ вамъ прихожу по весьма важному дѣлу, важному и секретнѣйшему...

Минуту спустя Петръ Кмита сидѣлъ въ маленькомъ кабинетѣ майора Зелина, увѣшанномъ старинными пистолетами и кинжалами. Нѣкоторое время органистъ согрѣвалъ свои костлявыя руки возлѣ горячей печи, а майоръ, страшно заинтересованный, усиленно раскуривалъ длинную двухъаршинную трубку. Помолчавъ немного, какъ подобаетъ серьезному человѣку и снабдивъ свой длиннѣйшій носъ тремя добрыми понюшками табаку, Петръ Кмита началъ:

—Прежде всего, майоръ Зелинъ, поклянитесь мнѣ великой клятвой, что все сообщенное вамъ останется тайной.

Майоръ выполнилъ требуемое.

—Такъ хорошо!.. протянулъ органистъ, еще разъ внимательно осмотрѣвши двери и всю комнату, а теперь, майоръ, скажите мнѣ откровенно: желали-бы вы получить два пуда червонцевъ голландскихъ, настоящихъ, необрѣзанныхъ и полнаго вѣсу?..

Майоръ Зелинъ подскочилъ въ своемъ старомъ вольтеровскомъ креслѣ, покрытомъ разными заплатами, изумленно всматриваясь въ совершенно спокойное лицо гостя. Слова органиста поразили его и онъ не зналъ, какъ отвѣтить на подобный удивительный вопросъ.

—Ничему не удивляйтесь, майоръ, невозмутимо продолжалъ органистъ, постукивая пальцемъ по табакеркѣ, а отвѣчайте мнѣ прямо,—желательно-ли вамъ это?

—Чудныя вещи говорите вы, возразилъ майоръ, шутите-ли вы, панъ Кмита, или...

—Или у меня здѣсь въ безпорядкѣ? дополнилъ органистъ, указывая сухимъ длиннымъ пальцемъ на почти голый черепъ. Нѣтъ, не безпокойтесь, я говорю сущую правду и съ ума еще, слава Богу, не сходилъ!.. Такъ хотите-ли, майоръ имѣть цѣлый мѣшокъ червонцевъ?

—Кто бы этого не желалъ!.. улыбаясь воскликнулъ майоръ, нужно быть круглымъ дуракомъ, чтобъ отказаться отъ такого богатства, ежели, конечно, оно достается честнымъ путемъ.

—Именно такъ!.. горячо согласился Петръ Кмита и поднялъ свой палецъ къ потолку: но для этого нужно одно... величайшую храбрость, такую смѣлость, какая рѣдко у кого и бываетъ!.. Вотъ почему я и явился къ вамъ! убѣжденно прошепталъ органистъ.

—Ну, что касается смѣлости, отвѣтилъ майоръ, гордо закрутивъ усы, подстриженные въ видѣ соломенной крыши, то у меня это, кажется, найдется.

—Знаю, что вы самый храбрый человѣкъ во всемъ мірѣ! согласился Кмита.

—Я, панъ Кмита, подъ Севастополемъ собственными руками потушилъ гранату!..

—Знаю, знаю...

—У меня три раны пулей и одна штыкомъ!

—И это знаю!.. все это меня къ вамъ и направило.

—Ну такъ говорите, въ чемъ дѣло, безъ лишнихъ проволочекъ.

—Вепе... еще разъ оглядѣвшись, прошепталъ органистъ, такъ слушайте-жъ майоръ, что со мной приключилось: полгода тому назадъ, очищая органъ, нашелъ я подъ педалями старую книжку, взялъ ее домой, посмотрю, думаю, на свободѣ, что тамъ написано. Ну, пришелъ я къ себѣ послѣ вечерни, зажегъ свѣчу да и сѣлъ за столомъ съ этой книжкой... и знаете, что это оказалось?

—Описаніе клада какого-нибудь...

—Нѣтъ, майоръ, книжка эта—великое заклятіе для вызова самого дьявола, и не какого-нибудь тамъ мелкаго бѣса, а настоящаго Люцифера, или Вельзевула... Кто семь разъ подърядъ прочтетъ сіи заклятія, тотъ получитъ четыре пуда золота, настоящими червонными...

Майоръ рѣзкимъ движеньемъ поставилъ свою трубку въ уголъ.

—Несбыточныя вещи сообщаете вы, панъ Кмита, выразилъ онъ, бабьи выдумки и дѣтскія сказки разносите, достойныя смѣху!..

—Такъ, именно такъ можно подумать!.. нисколько не смущаясь, тѣмъ-же увѣреннымъ тономъ продолжалъ органистъ, но послушайте меня дальше и увидите, что изъ этого вышло... Посмѣялся я сначала надъ книжкой и швырнулъ ее въ ящикъ стола. Но дня черезъ три, легъ я какъ-то въ сумерки на постель и началъ думать: какіе это прежде великіе маги и чернокнижники были, хотя-бы, примѣрно сказать, докторъ Твардовскій... думалъ, думалъ, а потомъ и вспомнилъ про свою находку... давай почитаю!.. и почиталъ...

—И вышло что либо? слегка улыбаясь, спросилъ майоръ Зелинъ, опять принимаясь за свою трубку

Органистъ Петръ Кмита поднялся со стула въ весь свой длинный ростъ, приложилъ руку къ сердцу и заклялся страшной клятвой.

Только одинъ разъ и то меньше половины успѣлъ онъ прочесть заклятіе въ этой книжкѣ. Сейчасъ подъ окномъ кто-то какъ лошадь затопалъ копытами... Не то кошка, не то собака зацарапала когтями въ двери. Въ трубѣ вдругъ завыло неистовымъ голосомъ и желѣзная «вьюшка» выпала оттуда и полетѣла на средину комнаты. Стулъ началъ двигаться подъ органистомъ какъ живой, перебирая всѣми четырьмя ножками и такой страхъ охватилъ Петра Кмиту, что онъ не выдержалъ и немедленно захлопнулъ книжку... Тогда все сразу притихло!..

Изумленный майоръ тоже привсталъ со своего кресла и взялъ органиста за бортъ его длиннаго сюртука.

—Снилось вамъ это, панъ Кмита? уже серьезно спросилъ онъ.

—Пусть смертный сонъ возьметъ меня до страшнаго суда!.. заклялся органистъ, если я хоть что нибудь здѣсь лишнее сказалъ, или выдумалъ...

Майоръ Зелинъ и Петръ Кмита нѣкоторое время стояли молча, пристально глядя другъ на друга, какъ-бы взаимно изучая себя.

—Такъ вы, панъ Кмита, говорите, что не осмѣлились читать дальше?

—Духу не хватило одному это сдѣлать!.. блѣднѣя при одномъ воспоминаніи о своей попыткѣ, отвѣтилъ органистъ, тѣмъ болѣе, что читать я началъ безъ всякихъ приготовленій... А теперь у меня уже полгода не выходитъ изъ головы эта книжка, ибо тамъ въ предисловіи ясно написано: «кто одинъ или вдвоемъ рѣшится прочесть сіе заклятіе семь разъ подърядъ и выдержитъ всѣ испытанія, тотъ заставитъ дьявола-Люцифера вручить ему четыре пуда золота червонцами голландскими, настоящими, необрѣзанными и полнаго вѣсу!..» Вы, майоръ, самый смѣлый у насъ человѣкъ въ мѣстечкѣ, это людямъ и Богу извѣстно, такъ вотъ я къ вамъ и обратился одному!.. закончилъ свою рѣчь органистъ.

Майоръ Зелинъ закрутилъ вверхъ еще разъ усы и снисходительно посмотрѣлъ на Кмиту. Похвала его храбрости не прошла безслѣдно.

—Никогда въ жизни ничего подобнаго не слыхивалъ!... воскликнулъ онъ, клянусь Богомъ, не вѣрю въ такія вещи, но для опыта соглашаюсь!

—Полное и твердое согласіе? переспросилъ органистъ.

—Полное и твердое!

Петръ Кмита отъ радости потеръ руки. Съ такимъ человѣкомъ, какъ майоръ Зелинъ, онъ немедленно свяжетъ проклятаго Люцифера по рукамъ и ногамъ и заставитъ его выполнить требуемое. Затѣмъ, поговоривши болѣе двухъ часовъ самымъ обстоятельнымъ образомъ, органистъ Кмита точно условился съ майоромъ. Для вызова сатаны наиболѣе удобнымъ мѣстомъ былъ признанъ полуразрушенный дворецъ, стоявшій на большомъ пустырѣ посреди мѣстечка. Тамъ Люциферъ можетъ себѣ дѣлать, что пожелаетъ, и никто не помѣшаетъ прочесть всѣ заклинанья до конца.

Серьезная бесѣда сопровождалась хорошимъ стариннымъ пуншемъ, отъ котораго у обоихъ значительно оживились лица и заблестѣли глаза.

—Выдержимъ испытанія, закончилъ свой разговоръ Кмита, будемъ мы богатѣйшими людьми во всемъ округѣ!

Майоръ Зелинъ, вполнѣ убѣжденный доводами собесѣдника, стукнулъ кулакомъ по колѣну

—Выдержимъ!.. воскликнулъ онъ, это не Севастополь, голубчикъ мой, тамъ пожарче было! Послѣ завтра, ночью, начинаемъ дѣло.

—Начинаемъ!.. какъ эхо, отвѣтилъ органистъ, распрощался съ майоромъ, завернулся въ бурку, и опять углубился въ сѣрый сумракъ бушующей вьюги. Долго послѣ ухода Петра Кмиты сидѣлъ майоръ Зелинъ въ своемъ широкомъ вольтеровскомъ креслѣ, покуривалъ безконечную трубку и мечталъ, прислушиваясь къ жалобнымъ пѣснямъ бури...

II.

Поздно вечеромъ, какъ было условлено, Петръ Кмита и майоръ Зелинъ встрѣтились на пустырѣ, оба закутанные съ ногъ до головы по случаю сильнѣйшаго мороза. Все мѣстечко давно покоилось крѣпчайшимъ сномъ. На безоблачномъ небѣ мигали и танцовали отъ холода яркія звѣздочки. Ни одинъ звукъ не нарушалъ холоднаго молчанія зимней ночи. Возлѣ развалинъ дворца Кмита остановился и еще разъ испытующе посмотрѣлъ на майора.

—Такъ, значитъ, теперь уже не отступимъ? спросилъ онъ

—Входите, твердо произнесъ майръ,—что рѣшено, то рѣшено!..

Тяжелая дверь съ обломанными ручками пронзительно завизжала въ заржавленныхъ петляхъ. Смѣльчаки тихонько вошли въ огромную переднюю, заваленную грудами мусора и снѣгомъ, налетѣвшимъ въ разбитыя окна, а оттуда поднялись по широкой лѣстницѣ на второй этажъ, гдѣ лучше всего уцѣлѣлъ огромный залъ съ облупленными бѣлыми колоннами и величественными хорами. Страшная темнота царила въ этомъ залѣ, такъ какъ окна его были съ незапамятныхъ временъ заколочены досками. Органистъ Кмита, какъ научала его таинственная книжка, съ громкой молитвой зажегъ страстную свѣчу и освященнымъ мѣломъ начертилъ на покоробленномъ полу большой бѣлый кругъ

—И такъ, чтобы ни творилось вокругъ насъ, глухимъ голосомъ заявилъ Кмита, —мы не должны выходить изъ этого круга, иначе злыя силы разорвутъ насъ на части!..

—Не выходить, такъ не выходить!.. рѣшительно произнесъ майоръ,—посмотримъ, какъ появится къ намъ сатана!

—Въ 11 часовъ ночи начнемъ читать заклятія.

—Теперь ровно $10^1/_2$ часовъ вечера, прошепталъ майоръ, внимательно посмотрѣвъ на циферблатъ своей огромной серебряной луковицы

Закутавшись получше въ шубы, заклинатели Люцифера усѣлись на полу. Органистъ Кмита вытащилъ изъ-за пазухи бутылочку съ освященной водой, старое кропило и глубокую тарелку.

—Въ случаѣ крайней опасности, сказалъ онъ,—святой водой и кропиломъ мы проложимъ себѣ дорогу, злой духъ ни за что не выдержитъ этого!.

—Ежели прійдется кропить, замѣтилъ майоръ,—то поручите уже это мнѣ, я такъ отработаю кропиломъ направо и налѣво, что всѣмъ чертямъ тошно станетъ!

—Не шутите, майоръ, серьезно возразилъ Кмита, посидимъ-ка лучше молча и сосредоточимъ свою смѣлость.

Толстая восковая свѣча тихо потрескивала, разливая въ обширномъ залѣ тусклый красноватый свѣтъ. Только ближайшія колонны выступали изъ окружающаго мрака своими полуобрушенными боками, да въ концѣ зала чернѣла огромная дверь, заколоченная старой доской; остальная часть комнаты, а особенно хоры совершенно утопали въ темнотѣ. На колокольнѣ мѣстнаго костела медленно пробили часы. Тягучіе звуки колокола простонали въ морозномъ воздухѣ и неясно повторились черными углами запустѣвшаго дворца

—Одиннадцать!.. шепнулъ Кмита и, вытащивъ изъ-за пазухи книжку, обшитую засмасленнымъ пергаментомъ, началъ читать громкимъ голосомъ.

—Я органистъ мѣстечка Полоннаго, дворянинъ Петръ-Маріанъ-Юзефъ Кмита сынъ Николая Кмиты изъ Бучача, герба Леливы, заклинаю тебя, отверженнаго Богомъ навѣки и проклятаго сатану... Страшныя слова зазвучали въ залѣ, глухой голосъ органиста не прерываясь гудѣлъ и откликался на хорахъ, вначалѣ онъ немного дрожалъ, но постепенно окрѣпъ и пріобрѣлъ обычную пѣвучесть...

И вдругъ потрясающій трескъ раздался на верхнемъ этажѣ. Майоръ Зелинъ отъ неожиданности вздрогнулъ и тихонько ощупалъ запазухой огромный пистолетъ, взятый на тотъ случай, если не поможетъ кропило. Вслѣдъ за оглушительнымъ трескомъ послышались крики и мѣрные, звонкіе шаги. Кто-то проходилъ черезъ всю амфиладу комнатъ, со скрежетомъ отворяя заржавленныя двери. Гуденье и топотъ наполнили домъ, возлѣ крыльца завизжали полозья сотенъ саней и глухо захлопали бичи. Голубое, точно лунное сіяніе разлилось въ залѣ. Стѣны вдругъ побѣлѣли и очистились. Блестящія люстры плавно опустились съ потолка. Весь полъ преобразился и заблестѣлъ, какъ зеркало, неясно отражая въ себѣ сверкающія бѣлизной колонны.

—Чтобъ ты, отверженный Люциферъ, покоряясь моимъ заклятіямъ, принесъ мнѣ немедленно хранимые тобою червонцы! гремѣлъ Кмита, сдвинувъ сѣдыя брови.

Молча, одной рукой покручивая усы, а другой придерживая пистолетъ, смотрѣлъ майоръ Зелинъ кругомъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ; двери зала заблестѣли золотомъ и порывисто распахнулись двумя широкими половинами, красный теплый свѣтъ полился оттуда и непонятная жизнь вдругъ наполнила весь мертвый до того домъ. На бѣлоснѣжныхъ стѣнахъ появились портреты въ широкихъ золоченыхъ рамахъ, чудные цвѣты закачались въ высокихъ мраморныхъ вазахъ. Удивительная музыка зазвучала на хорахъ, и блестящіе вельможи потянулись вереницей изъ гостиной. Рыцари звенѣли оружіемъ и шпорами, удивительныя красавицы-дамы проходили мимо, улыбаясь и шелестя шелковыми и тяжелыми парчевыми платьями, юные пажи чинно размѣстились возлѣ сверкающихъ колоннъ. Съ хоръ звучалъ старинный полонезъ и пары торжественно обходили залъ... Но вдругъ какъ разъ передъ кругомъ появился грозный вельможа въ огненно-красномъ кунтушѣ съ золотымъ поясомъ и золотой саблей, усыпанной драгоцѣнными камнями.

—Зачѣмъ вы явились сюда? зычно спросилъ онъ, сверкая зелеными какъ у тигра глазами, кто смѣетъ мѣшать моимъ гостямъ?

—Золота этаго должно быть четыре пуда настоящими червонцами голландскими, необрѣзанными и полнаго вѣсу... продолжалъ Кмита свои заклятія.

—Эй слуги!.. крикнулъ страшный вельможа, выбросить этихъ людей вонъ! Сотни призраковъ съ обнаженными саблями и ножами завывая бросились къ кругу, оскаливая зубы и сверкая глазами, но Петръ Кмита твердой рукой взялъ кропило и приподнялъ его надъ головой. Тогда въ одно мгновеніе ока все потускнѣло, скомкалось какъ облако, тронутое вѣтромъ, и безслѣдно погрузилось въ прежній мракъ. Съ грохотомъ захлопнулись двери во всѣхъ комнатахъ и чей-то адскій хохотъ прозвучалъ на хорахъ

—Ну, это еще не очень страшно!.. пробурчалъ майоръ Зелинъ, но органистъ строго посмотрѣлъ на него, неуклонно продолжая свое дѣло.

Трудно передать, какіе ужасы посылалъ Люциферъ на заклинателей. Свистъ и вой наполняли домъ, что то съ грохотомъ и лязганьемъ покатилось по каменнымъ лѣстницамъ. Синія безобразныя тѣни метались надъ головами заклинателей. Плачъ и стоны раздавались вокругъ, но ничто не могло заставить Кмиту и майора Зелина прекратить страшное чтенье. Не взирая на все движенье, пламя восковой свѣчи ровно и не колеблясь горѣло своимъ невозмутимымъ свѣтомъ. Особенно тяжкія испытанія посылались майору, человѣку, имѣвшему горячій темпераментъ. Тѣни старыхъ друзей являлись передъ нимъ какъ живыя и протягивали руки. Товарищи прежнихъ боевыхъ стычекъ звали къ себѣ и просили выйти изъ круга...

—Обманъ, обманъ! мысленно успокаивалъ себя майоръ Зелинъ и не покидалъ своего мѣста.

Седьмое заклятіе приходило къ концу, когда раздирающій женскій плачъ, жалобный и молящій о чемъ то, прозвучалъ возлѣ заклинателей. Майоръ Зелинъ поднялъ глаза и съ ужасомъ увидѣлъ передъ собой свою младшую дочь. Страшный на видъ человѣкъ заносилъ надъ ней широкій блестящій ножъ, собираясь перерѣзать несчастной горло. Сѣдые волосы зашевелились на головѣ майора.

—Зарѣжутъ, зарѣжутъ!.. плакала дѣвушка, протягивая къ отцу дрожащія руки.

Не выдержалъ такого зрѣлища майоръ и рванулся впередъ, но Петръ Кмита крѣпко схватилъ его своей костлявой, твердой какъ желѣзо рукой и удержалъ на мѣстѣ.

—Такъ ты теперь, отверженный Богомъ на вѣки сатана Люциферъ и Вельзевулъ, со всей своей дьявольской силой долженъ покориться намъ не медля... Аминь, аминь, аминь!.. прогремѣлъ органистъ послѣднія слова заклятій. Зеленое пламя клубкомъ выбросилось на томъ мѣстѣ, гдѣ майоръ видѣлъ призракъ своей дочери. Весь старый дворецъ дрогнулъ отъ основанія до крыши. Рѣзкій звонъ грянулъ надъ заколдованнымъ кругомъ и два тяжелыхъ кожаныхъ мѣшка упали возлѣ него, потрясая весь полъ своей тяжестью...

—Бери!.. проговорилъ чей то дикій голосъ.

Эхо пустого дома нѣсколько разъ отчаянно повторило этотъ возгласъ и замерло гдѣ то въ послѣднихъ комнатахъ... Въ морозномъ воздухѣ протяжно ударилъ двѣнадцатый часъ. Мертвая тишина воцарилась кругомъ и Петръ Кмита съ облегченьемъ вздохнулъ, вытирая холодный потъ, обильно выступившій на лысинѣ.

—Теперь все кончено!.. произнесъ онъ, выдержали мы тяжкое испытаніе до конца, денежки передъ нами... выйдемъ изъ круга.

Радостно поднялись заклинатели со своихъ мѣстъ и, не вѣря глазамъ, ощупали тяжелые мѣшки; одной рукой ихъ трудно было сдвинуть съ мѣста. Въ глазахъ у обоихъ загорѣлись желтые огоньки жадности.

—Нужно посмотрѣть, золото-ли это? прохрипѣлъ майоръ.

—О, радостно захихикалъ Кмита, напрасно безпокоитесь, можете быть увѣрены —настоящіе червончики!.. Минуту спустя уже не было никакого сомнѣнья—чистое золото сверкнуло передъ пламенемъ страстной свѣчи, старинное золото, все крупными монетами чеканки прошлаго вѣка. Тогда счастливые обладатели сокровища съ трудомъ подняли свои мѣшки и медленно вышли изъ развалинъ дворца.

—Помните-же, майоръ, свои клятвы!.. при выходѣ шепнулъ Кмита, никто не долженъ знать, никто!

—Ну, другъ Кмита, отвѣтилъ майоръ, съ кряхтеньемъ удерживая двухъпудовый мѣшокъ, я еще никогда въ жизни не измѣнялъ своему слову! Счастливцы крѣпко пожали другъ другу руки и разошлись въ разныя стороны. Во всемъ мѣстечкѣ раздавалось задорное, безконечное перекликанье пѣтуховъ.

III.

Весь обливаясь потомъ, задыхаясь подъ тяжестью неожиданнаго богатства, майоръ Зелинъ добрался къ крылечку своего дома. Хотя необычайная радость утраивала силы и путь былъ не далекъ, однако, возлѣ дома у майора захватило дыханье и онъ долженъ былъ присѣсть на ступенькахъ крыльца немного передохнуть и вытереть усы, на которыхъ образовалась цѣлая гора инею. Жена майора, добрѣйшая въ мірѣ женщина, двѣ дородныхъ красавицы-дочки спали крѣпчайшимъ сномъ и ничего не слышали. А майоръ, сдерживая дыханье, пробрался въ свой кабинетъ, крѣпко заперъ за собой дверь и завѣсилъ окно старымъ походнымъ одѣяломъ. Уединившись такимъ образомъ отъ всего міра, обладатель сокровища приступилъ къ окончательной провѣркѣ своего богатства.

— Господи, Господи! — шепталъ майоръ, пересчитывая тяжелые червонцы, блестящіе, совершенно не потертые и складывая ихъ правильными кучками.

Чѣмъ больше считалъ майоръ Зелинъ деньги, тѣмъ сильнѣе возростала въ немъ алчность и страхъ за нихъ. Онъ дрожа оглядывался по сторонамъ, малѣйшій трескъ, даже неожиданный крикъ сверчка, или вздохъ кого-либо изъ спавшихъ въ домѣ, заставляли его вздрагивать и хвататься за пистолетъ. Надъ мѣстечкомъ давно въ послѣдній разъ прозвучалъ крикъ пѣтуховъ, когда майоръ закончилъ счетъ, крѣпко завязалъ мѣшокъ и заперъ его въ старинномъ дубовомъ шкафикѣ, окованномъ желѣзными полосами. Сонъ, однако, не скоро смежилъ уставшіе глаза майора Зелина. Онъ еще долго думалъ о томъ, какъ нужно поступить съ богатствомъ: остаться-ли въ мѣстечкѣ въ родномъ, давно насиженномъ домикѣ, или переселиться въ столичный городъ, гдѣ и окружить себя надлежащей роскошью. По обыкновенію, къ утреннему кофе майоръ Зелинъ вышелъ въ халатѣ, со своей неизмѣнной спутницей, двухъаршинной трубкой, вышелъ и сразу почувствовалъ въ себѣ иное настроенье. Смѣшно сказать, у такого богача какъ онъ—кофейникъ былъ старенькій, изогнутый и съ перевязанной ручкой. Чашка показалась слишкомъ потресканной и некрасивой. Дочки, правда, краснощекія и свѣжія какъ розы, явились въ какихъ-то распашенкахъ изъ дешеваго ситцу, а старушка-жена прямо показалась какой-то горничной въ грязной юбкѣ и замасленной кофтѣ на бѣличьемъ потертомъ мѣху. Майоръ разсѣянно пилъ кофе, курилъ трубку и пыхтѣлъ какъ бегемотъ, что доказывало всегда сильную работу его мыслей. Нѣсколько минутъ спустя уже всѣ домашніе замѣтили въ немъ ужасную перемѣну. Старшая дочка Настя заикнулась было о своемъ женихѣ, молодомъ хуторянинѣ, но майоръ строго посмотрѣлъ на нее и замѣтилъ, что такихъ жениховъ можно купить по семь за одну луковицу. Слѣдуетъ думать о лучшей партіи. Настя убѣжала въ спальную и начала обливать слезами подушку. Младшей дочкѣ майоръ строго-на-строго воспретилъ гулять съ мѣстнымъ почтовымъ чиновникомъ. Такъ коекакъ напившись кофе, въ которомъ оказалось слишкомъ много цикорія, майоръ грозно ушелъ въ свою комнату и не выходилъ оттуда до обѣда. Въ домѣ сразу всѣ притихли, пораженные неожиданной перемѣной, а майоръ Зелинъ неподвижно сидѣлъ возлѣ дубоваго шкафика, думалъ о богатствѣ, но чѣмъ больше думалъ, тѣмъ сильнѣе омрачался его разсудокъ и страшная борьба происходила въ душѣ. Точно два какихъ-то существа начали спорить въ немъ. Одинъ голосъ убѣждалъ его не разрушать прежней мирной жизни, другой неясно, но постепенно разжигалъ въ немъ чувство необычайной скупости.

—Деньги можно сразу обнаружить и пустить ихъ по вѣтру... Вотъ сберечь ихъ какъ слѣдуетъ, чтобы все чудное сокровище оставалось неприкосновеннымъ!.. Второй голосъ оказывался какъ будто убѣдительнѣе. Много есть кругомъ злыхъ людей, которые при первомъ обнаруженіи такого богатства могутъ Богъ знаетъ что выдумать! Зависть такая поднимется кругомъ. Чего добраго, разныя власти начнутъ доискиваться, откуда взято золото!..

Съ удивленьемъ увидѣли домашніе, что майоръ Зелинъ къ вечеру началъ необычайно укрѣплять свой домикъ. Къ дверямъ крылечка былъ приложенъ огромный поперечный засовъ и прибиты тяжелые желѣзные крючки. Ложась спать, майоръ зарядилъ всѣ пистолеты и одноствольное ружье, стоявшее много лѣтъ безъ всякаго употребленья.

—Что происходитъ съ вами, Иванъ Васильевичъ? рѣшилась, наконецъ, спросить майора жена, но майоръ посмотрѣлъ на нее такими дико-строгими глазами, какими не смотрѣлъ никогда въ жизни, при чемъ страшно наежилъ сѣдые усы и брови.

—Смотрите, матушка, за своимъ хозяйствомъ, чтобы ничего не пропадало зря!... жестко отвѣтилъ майоръ, а обо мнѣ вамъ нечего заботиться...

Такъ потянулись съ пріобрѣтеніемъ неожиданнаго богатства невеселые дни. На уютный домикъ майора какъ будто надвинулось сѣрое облако печали и тоски. Съ каждыми сутками положеніе становилось хуже. Добродушныя черты лица майора Зелина обострились, скупость, адская неукротимость развивалась въ немъ съ непостижимой быстротой,—скупость и страхъ за свое богатство. Нерѣдко по ночамъ вскакивалъ старикъ, весь облитый холоднымъ потомъ, хватался за пистолеты и блуждающими глазами осматривалъ комнату. Казалось, разбойники пробирались къ домику и совѣщались о чемъ-то шепотомъ, притаившись подъ окномъ. Каждый вечеръ, наглухо запершись въ кабинетѣ, майоръ Зелинъ тихо отворялъ завѣтный шкафикъ, внимательно осматривалъ мѣшокъ, развязывалъ его и дрожащими руками перебиралъ горящіе краснымъ отблескомъ червонцы. Ненасытная любовь къ этимъ желтымъ бездушнымъ кружкамъ уже всецѣло овладѣвала майоромъ. Съ грустью начали приготовляться въ домѣ майора къ сочельнику. Иванъ Васильевичъ не поѣхалъ, по обыкновенію, въ уѣздный городъ за покупками, никто не могъ, значитъ, ожидать пріятнаго подарка и счастливыхъ святокъ. Женихъ старшей дочки жестоко обидѣлся грубымъ пріемомъ майора. Старикъ сурово намекнулъ ему, что его Настѣ всего семнадцатый годъ пошелъ и спѣшить со свадьбой нѣчего... Такимъ образомъ, пришелъ, наконецъ, и сочельникъ. Какъ подобаетъ христіанамъ, дождались яркой вечерней звѣздочки и усѣлись за столомъ, присыпаннымъ свѣжимъ сѣномъ, покрытымъ бѣлой какъ снѣгъ скатертью. Усѣлись всѣ въ нѣмомъ молчаньи съ опущенными глазами. Майоръ Зелинъ вышелъ изъ своего кабинета не бритый, безъ всякаго параду, какъ бывало прежде. Онъ не надѣлъ своего тщательно сохранившагося мундира съ бѣлымъ крестикомъ, не подвязалъ шеи высокимъ чернымъ галстухомъ, не закрутилъ вверхъ наново подстриженные усы. Со слезами на глазахъ разлила майорша борщъ. Пирожки были хуже и постнѣе, чѣмъ въ прежній сочельникъ. Денегъ майоръ Зелинъ отпустилъ на празд-

лики значительно меньше и нельзя было изготовить всего вдосталь. Все время за ужиномъ хозяинъ дома былъ молчаливъ и разсѣянъ, не видѣлъ опечаленныхъ и блѣдныхъ лицъ своихъ дочекъ, угнетенныхъ всѣмъ происходящимъ. Похлебавъ немного взвару, майоръ молча всталъ и, шаркая ногами, поплелся опять въ свою комнату.

Улегшись въ темнотѣ на жесткомъ диванѣ, майоръ Зелинъ опять почувствовалъ въ себѣ таинственный разговоръ двухъ голосовъ. Одинъ тихо нашептывалъ ему о счастливой прежней жизни, когда онъ такъ мирно проводилъ дни не богато, но и не бѣдно, безъ излишней роскоши, но за то весело, превесело, другой убѣждалъ неусыпно блюсти чудное сокровище, возбуждалъ страхъ и глубокую подозрительность ко всему.

—И вѣрно, мысленно согласился майоръ съ первымъ голосомъ, странными глазами смотрѣли на меня сегодня за ужиномъ жена и дѣти... возненавидѣли меня!.. Ужъ не узнали-ли они какъ-нибудь про сокровище?! Можетъ быть затѣваютъ на стараго отца что-либо недоброе?! Вѣдь бывали такіе случаи, когда ради денегъ родные душили и рѣзали своихъ родныхъ!.. Черныя мысли наростали какъ осеннія тучи на холодномъ небѣ, а въ домѣ какъ нарочно воцарилась такая подозрительная тишина, такая невыносимая. Неслышно поднялся майоръ со своего дивана, снялъ сапоги и въ однихъ шерстяныхъ носкахъ на цыпочкахъ выбрался изъ кабинета. Такъ омрачился въ немъ разсудокъ, что вышелъ онъ съ заряженнымъ пистолетомъ въ рукѣ, точно на разбойниковъ какихъ-нибудь... У двери жениной комнаты, затаивши духъ, остановился майоръ Зелинъ. Сквозь щель виднѣлся ровный свѣтъ синей лампадки, горѣвшей спокойно предъ иконой Спасителя.

—Господи!.. услышалъ майоръ голосъ жены, что сталось съ нашимъ Иваномъ Васильевичемъ?...

—Вѣрьте мнѣ, мамочка, отвѣчала старшая дочка, плохо ему, сглазилъ папу кто-то!..

—Я ужъ и сама не знаю, что думать, двадцать пятый годъ живу съ нимъ,—ничего подобнаго не бывало!..

—Такъ мнѣ сегодня за ужиномъ хотѣлось плакать, послышался голосъ младшей дочки, замѣтили-ли вы, мама, какъ онъ, бѣдный осунулся, спина у него согнулась и ногами еле шаркаетъ, совсѣмъ ничего не кушалъ!..

—Такъ, такъ, согласилась мать, каждый сочельникъ онъ, бывало, всѣмъ веселые подарочки дѣлалъ... А за ужиномъ, помните, какъ это у него хорошо выходило: возьметъ стаканъ вина и пьетъ за своихъ друзей-товарищей. Такъ трогательно говорилъ: Пью, за упокой тѣхъ бравыхъ героевъ молодцевъ, что на Малаховомъ курганѣ кровь проливали и почили тамъ сномъ непробуднымъ въ братской могилѣ...

При этихъ словахъ въ горлѣ майора что-то защекотало такъ сильно, точно кто нибудь песку туда насыпалъ, сѣдая голова его затряслась и слезы неслышно покатились изъ глазъ. Посмотрѣлъ майоръ въ щелочку двери, но разговаривавшихъ не увидѣлъ, виднѣлась только синяя лампадка, а за нею кроткій ликъ Спасителя, блѣдный ликъ съ большими печальными глазами...

Иконой этой благословила майора Зелина мать, когда онъ первый разъ надѣлъ офицерскіе эполеты послѣ десятилѣтняго тяжелаго юнкерства въ тѣ суровыя николаевскія времена. Прикрывъ лицо дрожащей рукой, сгорая отъ стыда, неслышно отступилъ майоръ отъ двери и почти бѣгомъ устремился въ кабинетъ. Чувствовалъ онъ, что громкія рыданья сейчасъ могутъ вырваться изъ груди... Три ужасныхъ недѣли его богатства вдругъ со всей яркостью встали передъ нимъ.

Зачѣмъ оно ему? Какое принесло счастье дьявольское сокровище? Кто знаетъ, сколько дней впереди осталось человѣку, а онъ взялъ и омрачилъ радостный праздникъ, столько горя причинилъ и дочкамъ, и старухѣ-женѣ!..

Цѣлый часъ пролежалъ майоръ на диванѣ и такъ плакалъ, что его сѣдые усы совсѣмъ промокли. Чѣмъ сильнѣе лились слезы, тѣмъ громче торжествовалъ первый голосъ.

—Брось проклятыя деньги, побѣдно звучалъ онъ, брось!.. жилъ безъ нихъ счастливо и будешь жить. Никому, никогда не принесутъ счастья незаработанныя деньги!.. Овладѣвъ собой, майоръ Зелинъ вдругъ порывисто всталъ, нѣсколько разъ широко перекрестился, быстро надѣлъ свою поношенную енотовую шинель и вышелъ изъ дому. Онъ направился туда, гдѣ жилъ Петръ Кмита... Весело во всѣхъ окнахъ горѣли праздничные огоньки, возлѣ кудрявыхъ елокъ танцевала молодежь. Надъ мѣстечкомъ звенѣли колядки. Костельные часы торжественно отбили седьмой часъ вечера.

IV.

Петръ Кмита сидѣлъ неподвижно на своей жесткой и холодной кровати, кое-какъ устроенной изъ длиннаго стараго сундука. Тамъ, на днѣ этого сундука, прикрытые заботливо цѣлой кучей разнаго тряпья, лежали дьявольскіе червонцы, ревниво оберегаемые ихъ новымъ владѣльцемъ. Уже три недѣли не выходилъ Петръ Кмита изъ комнаты, питаясь сухими корками хлѣба и кое-какой похлебкой, сваренной у печки. Возлѣ сундука стоялъ тяжелый заржавленный ломъ и огромный топоръ. Когда майоръ Зелинъ громко постучался въ дверь, Кмита первымъ дѣломъ схватился за топоръ жилистой рукой и привсталъ съ кровати, страшный какъ призракъ, съ крѣпко стиснутыми безкровными губами. Сѣрая щетина покрывала его худыя небритыя щеки.

—Кто тамъ? пронзительнымъ голосомъ откликнулся органистъ, никого не принимаю сегодня, никого!...

—Это я, вашъ добрый знакомый, майоръ Зелинъ, къ вамъ пришелъ!

—Что нужно вамъ отъ меня, майоръ Зелинъ? тѣмъ-же рѣзкимъ голосомъ спросилъ Кмита, другой рукой нащупывая ломъ. А!.. подумалъ онъ,—мало ему своей доли, такъ пришелъ еще грабить меня и придушить здѣсь, въ одиночествѣ.

—Отворите двери, панъ Кмита, убѣдительно заговорилъ майоръ, прихожу къ вамъ я по весьма важному дѣлу, по такому, что и отложить его невозможно!

—Для всякихъ дѣлъ, майоръ Зелинъ, грубо отвѣтилъ Кмита, сжимая топоръ, есть день Божій, а не ночь, ночью только душегубцы и разбойники ходятъ!

Сразу понялъ майоръ, какія мысли овладѣваютъ его товарищемъ по добычѣ дьявольскаго сокровища.

—Нѣтъ, панъ Кмита, заговорилъ онъ, пригибаясь ближе къ дверямъ, клянусь вамъ честью своей, ранами, полученными въ битвахъ, праздникомъ Христовымъ, что прихожу къ вамъ я съ хорошими мыслями! Отворите смѣло дверь, не опасайтесь меня!..

— Хорошо... я отворю вамъ дверь!.. отвѣтилъ, наконецъ, Кмита, но горе вамъ, горе, если вы со зломъ являетесь. Постоять за себя сумѣю!

И Петръ Кмита кряхтя поднялся съ сундука, вздулъ огонекъ и, не выпуская изъ рукъ топора, медленно снялъ крючекъ съ окованныхъ дверей. Майоръ Зелинъ неспѣша вошелъ, снялъ шапку и протянулъ руку Петру Кмитѣ.

—Панъ Кмита, твердо произнесъ онъ, когда дверь уже была наглухо заперта за нимъ, пришелъ я къ вамъ заявить, что отрекаюсь я на вѣки отъ проклятыхъ денегъ! Отрекаюсь на всегда, не желаю ихъ держать у себя!..

Кмита уронилъ топоръ и, пораженный словами майора, стоялъ точно каменный, широко раскрывъ глаза.

—При своемъ-ли вы умѣ, майоръ Зелинъ? пролепеталъ органистъ.

Майоръ Зелинъ подробно сообщилъ все происшедшее съ нимъ, разсказалъ о томъ, какъ бѣсъ корыстолюбія овладѣлъ имъ, что произошло послѣ печальнаго ужина... Органистъ слушалъ молча, мрачно опустивъ лысую голову.

—Эй, опомнимся во время, панъ Кмита!.. воскликнулъ горячо майоръ, посмотрите, что съ вами сталось и на кого вы похожи? Веселая хатка ваша почернѣла какъ гробъ, а сами вы чахнете надъ проклятымъ золотомъ, точно Кащей какой-нибудь!..

—Уйдите!.. вдругъ закричалъ Кмита, сверкая глазами, знаю я хитрости людскія... Никто въ мірѣ не воспользуется моими денежками!... Майоръ Зелинъ спокойно посмотрѣлъ на грозное лицо органиста; онъ хорошо понималъ, что происходило въ сильной душѣ этого человѣка и не обижался за рѣзкое слово.

Воцарилось на минуту глубокое молчанье, во время котораго ясно послышались за окномъ веселыя колядки ребятишекъ.

—Послушайте, панъ Кмита, чистую правду я вамъ говорю, опять началъ майоръ, откажемся отъ проклятыхъ червонцевъ!

—Никогда!.. воскликнулъ органистъ, ударяя костлявымъ кулакомъ по сундуку. Синія жилы надулись на его голомъ черепѣ и глаза загорѣлись зловѣщимъ огнемъ. А что вы думаете, майоръ Зелинъ, дѣлать со своими деньгами?

—Что, панъ Кмитъ? Если вы не согласитесь вмѣстѣ со мной уничтожить все, такъ я одинъ снесу свою часть и брошу ее въ омутъ; въ тотъ омутъ, что кипитъ подъ крутымъ берегомъ Хомура...

Кмита поблѣднѣлъ еще сильнѣе и пристально началъ смотрѣть прямо въ глаза майору

—Истинную правду вы говорите? спросилъ онъ глухимъ голосомъ

—Да! горячо отвѣтилъ Зелинъ,—святую правду

—Такъ таки возьмете и швырнете чудное золото въ водяной омутъ?

—Такъ и швырну!.. Деньги эти отъ бѣса, пусть идутъ къ бѣсу, счастья они никому не дадутъ на землѣ!.. Съ этими словами майоръ рѣшительно всталъ.

—Прощайте, панъ Кмита, съ прискорбіемъ воскликнулъ онъ, думалъ я, что послушаете вы меня и спасете свою душу... Мирно, тихо дожили-бы свои дни...

Петръ Кмита молчалъ, пристально глядя на растроганное лицо майора.

—Прощайте, Петръ Кмита, чертовыхъ денегъ не положу себѣ въ гробовую подушку!..

—А вы сейчасъ бросите сокровище? спросилъ Кмита, дрожа всѣмъ тѣломъ и хватая майора за полу.

—Сію минуту иду за ними домой!.. твердо отвѣтилъ майоръ, у меня что рѣшено, то рѣшено на вѣки...

—А про меня другимъ раскажете? дрожа и озираясь на топоръ проскрипѣлъ органистъ, тайну откроете?..

—Не бойтесь, я словомъ и клятвой не играю!.. гордо отвѣтилъ майоръ. Сидите себѣ надъ проклятыми деньгами до самой смерти, засыхайте надъ ними, ваше это дѣло!

Петръ Кмита выпустилъ полу шинели майора и, безсильно опустивъ руки, остался одинъ посреди полутемной мрачной комнаты, еле озаряемой сальной свѣчей. Глаза его дико начали блуждать по сторонамъ и, наконецъ, съ ужасомъ остановились на дубовомъ сундукѣ, покрытомъ грязной постелью

А майоръ Зелинъ, тяжело дыша отъ волненья, вернулся домой, быстро прошелъ въ кабинетъ, съ ненавистью вытащилъ изъ шкафчика тяжелый мѣшокъ и поволокъ его, собравъ всѣ силы, на пустынный берегъ Хомура.

Странныя вещи начали твориться съ майоромъ Зелинымъ, когда онъ вышелъ съ червонцами на крылечко. Дрожь и ознобъ охватили все тѣло. Зубы выбивали трели какъ на барабанѣ... Небо быстро заволоклось сѣро-бѣлыми тучами, подулъ сѣверный вѣтеръ, а вслѣдъ за нимъ съ шумомъ налетѣла такая мятель, какой еще никто не видывалъ въ жизни. Вой, плачъ и свистъ раздавались вокругъ, деревья трещали и стучали промерзлыми вѣтвями точно кости мертвецовъ... По временамъ майору Зелину казалось, что какая-то сѣрая тѣнь, колеблясь и качаясь, крадется за нимъ, но храбрый севастопольскій герой не боялся никого въ свѣтѣ, онъ продирался сквозь прибрежные кусты и, тяжело дыша, волокъ мѣшокъ съ червонцами на вершину обрывистой кручи. Не одинъ клокъ майорской шинели остался на колючихъ вѣтвяхъ, онѣ какъ живыя цѣпляли его и преграждали дорогу. Бѣшеная вьюга засыпала глаза цѣлыми тучами мелкаго снѣга. Добравшись до самой высшей точки обрыва, майоръ бросилъ мѣшокъ на мерзлую землю, чтобы немного перевести дыханье. Только сильнѣйшій душевный порывъ далъ ему силы для тяжкаго пути.

—Ну, ступайте, проклятыя Богомъ деньги!.. крикнулъ майоръ, швыряя сокровище въ никогда не замерзавшій водоворотъ, идите и не наводите соблазна людямъ!.. Грянулся мѣшокъ съ размаху въ бездну, только бѣлые столбы пѣны поднялись надъ нимъ. Одновременно съ шумомъ упавшихъ денегъ раздался чей то возгласъ. Вздрогнулъ майоръ отъ неожиданности и изумился, увидѣвъ передъ собой высокую фигуру Петра Кмиты, закутанную въ славутскую бурку песочнаго цвѣта.

—Такъ, майоръ Зелинъ, задыхаясь произнесъ Кмита, бросили сокровище въ пучину?

—Какъ видите, Кмита!.. отвѣтилъ майоръ Кмитѣ, снимая шапку и медленно осѣняя себя крестомъ.

—Туда-же и мои пойдутъ!. вдругъ воскликнулъ органистъ, швыряя червонцы внизъ.

Съ ревомъ разступилась вода и поглотила вторую часть богатства Люцифера. А Кмита, остановившись надъ обрывомъ, съ приподнятымъ къ небу лицомъ, совершилъ краткую молитву.

—Петръ Кмита, воскликнулъ майоръ, широко открывая объятья, ты послушалъ меня!..

—Богъ насъ спасъ! пролепеталъ органистъ, я слѣдилъ за вами, когда вы ушли, несъ деньги тайкомъ и думалъ: какъ вы поступите, такъ и я... Поразили вы меня своими словами.

—Тамъ имъ мѣсто!.. произнесъ маіоръ, указывая дрожащимъ пальцемъ внизъ, а теперь, панъ Кмита, идемъ ко мнѣ, выпьемъ добраго пуншику, подкрѣпимъ силы. Тяжкій камень свалился съ нашихъ сердецъ...

Нечего говорить о томъ, какъ весело провела святки семья маіора Зелина, потому что онъ быстро исправилъ всѣ свои ошибки.

А органистъ Петръ Кмита такъ чудно сыгралъ на органѣ, что мѣстный пробощъ со всѣмъ успокоился на счетъ его умственныхъ способностей.

Все вышеизложенное еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ подробно разсказывалъ одинъ старожилъ, нынѣ уже отошедшій на покой. Книжка, найденная въ оны дни Петромъ Кмитой, до настоящаго времени переходитъ изъ рукъ въ руки и извѣстна многимъ любителямъ таинственныхъ вещей. Но такихъ смѣльчаковъ какъ Петръ Кмита и майоръ Зеленъ болѣе не находится... Рѣдко кто вѣритъ въ такую чертовщину, а опыты производить никто не рѣшается

Старый домъ.

Рождественскій разсказъ.

Въ деревенскомъ домѣ помѣщика Аркадія Илларіоновича Бутурина чуть-ли не четыре мѣсяца подърядъ царила тишина и ничѣмъ не нарушаемое спокойствіе, но дня за два или за три передъ Рождествомъ Христовымъ домъ вдругъ оживился и зашумѣлъ. Такую перемѣну въ домѣ произвелъ пріѣздъ троихъ милыхъ дѣтей Аркадія Илларіоновича и его жены Маріи Александровны. Перемѣна эта почувствовалась не только въ домѣ, но даже и во дворѣ,—всѣ почему-то бѣгали, суетились, но болѣе всѣхъ Марія Александровна. Она ежедневно, съ самаго ранняго утра подымала на ноги всю дворню, всѣмъ задавала какую нибудь предпраздничную работу и сама тоже принималась за дѣло. Она лично варила для дѣтей утренній кофе, кипятила сливки, приготовляла любимые дѣтьми завтраки и вообще вникала въ такія подробности и мелкія нужды молодыхъ членовъ семьи, въ какія способны вникать только любящія матери. Что же касается Аркадія Илларіоновича, то хотя пріѣздъ дѣтей и не увлекъ его въ общую суету, но тѣмъ не менѣе отразился все таки и на его привычкахъ. Съ появленіемъ въ столовую, ему, бывало, тотчасъ подаютъ чай, а теперь онъ чуть-ли не по цѣлымъ часамъ ходилъ по залѣ и на него никто не обращалъ вниманія. Будь это въ другое время, онъ сумѣлъ-бы обратить на себя вниманіе, а теперь входилъ въ положеніе Маріи Александровны, и когда она мимоходомъ пожалѣла его, что онъ такъ долго ожидаетъ чаю, то Аркадій Илларіоновичъ не только не сердитымъ, а даже тихимъ и радушнымъ голосомъ отвѣтилъ:

—Ты, Машенька, обо мнѣ не безпокойся, я вмѣстѣ съ дѣтьми буду...

Марія Александровна сердечно оцѣнила такой отвѣтъ и продолжала свои хлопоты, нисколько уже не обращая вниманія на Аркадія Илларіоновича, все-таки съ нетерпѣніемъ ожидающаго утренняго чаю. Наконецъ, въ столовой появились дѣти. Аркадій Илларіоновичъ оживился. Съ особенной быстротой и энергіей потеръ онъ свои руки и съ прояснившимся лицомъ заговорилъ ласково:

—Ну, какъ спалось тебѣ, моя Шурочка? А тебѣ, Вася? А тебѣ, Коля?

Вмѣсто отвѣта Шурочка звонко поцѣловала папашу въ губы, а Вася и Коля неизмѣнно отвѣчали:

—Отлично, папаша, превосходно!

Затѣмъ дѣти подходили къ мамашѣ, цѣловали ее и, наконецъ, усаживались за столъ и домъ черезъ минуту наполнялся веселымъ шумомъ и звонкимъ дружнымъ смѣхомъ. Темъ для разговоровъ было безчисленное множество, такъ какъ, оставляя въ сторонѣ неизсякаемые вопросы молодежи о ходѣ деревенскихъ дѣлъ, было что обсуждать и изъ жизни ученической, а дѣти Аркадія Илларіоновича учились все трое: Коля былъ юристомъ четвертаго курса, Вася—Медикомъ третьяго, а Шурочка была въ шестомъ классѣ министерской гимназіи. Молодые люди быстро переходили съ одного предмета на другой, горячо обсуждали затронутый вопросъ и вся семья не замѣчала того, какъ летѣло время въ теплой, уютной столовой любимаго деревенскаго дома. Такъ пробѣжало нѣсколько дней передъ Рождествомъ Христовымъ; въ день-же сочельника, или «кутьи», какъ говорила вся семья, въ домѣ весь день замѣтна была нѣкоторая вялость и даже скука. Причиною такой перемѣны было то, что Аркадій Илларіоновичъ и Марія Александровна слишкомъ строго соблюдали «родной обычай старины», т. е. день сочельника обязательно проводили въ строгомъ постѣ и соблюдали это не только сами, но неуклонно требовали того-же и отъ своихъ дѣтей, дѣлая послѣднимъ снисхожденіе лишь въ томъ, что утромъ позволялось имъ напиться «холостого» чаю, т. е. одного чаю безъ хлѣба и безъ молока.

Непріятно голодать съ утра до вечера, но зато какъ необыкновенно пріятно проводить потомъ «Святой вечеръ». Молодежь знала это съ самаго ранняго возраста и безъ всякаго ропота ожидала вечера, жалуясь только другъ другу на безконечно длинный день и необыкновенную медленность часовъ.

Но вотъ наступилъ и желанный вечерній часъ. Довольно просторная столовая превратилась въ неузнаваемую комнату: длинный широкій столъ приставленъ былъ одной своей стороной къ стѣнкѣ; въ самомъ углу «на покути» разложено было душистое степное сѣно, на сѣнѣ стола съ высокимъ верхомъ кутья, рядомъ съ нею огромная ваза съ взваромъ; вокругъ кутьи и взвара стоялъ рядъ блюдъ со всевозможными сортами пироговъ; остальная часть стола уставлена была холодными рыбными блюдами и неимовѣрнымъ количествомъ всевозможныхъ постныхъ закусокъ, а на серебряномъ подносѣ красовался графинъ со святой водой. Промежутки между блюдами заставлены были чуть-ли не десятками сортовъ домашнихъ наливокъ и водокъ. Поставлено было для «приличія» и нѣсколько бутылокъ покупного вина, къ которому обыкновенно не притрогивались. Въ углу надъ кутьей сіяла на особо приспособленномъ угольничкѣ икона—«Тайная вечеря», а передъ ней теплилась лампада и горѣлъ рядъ бѣлыхъ восковыхъ свѣчей.

Семья торжественно помолилась Богу и усѣлась за столъ. «Вечеря» тянулась нѣсколько часовъ. Проголодавшаяся молодежь дружно накинулась на разнообразнѣйшія постныя кушанья и высказывала свое мнѣніе, что никогда и нигдѣ не бываетъ такихъ вкусныхъ обѣдовъ, какъ дома на «кутью».

Послѣ вечери вся семья перешла въ гостиную, усѣлась въ мягкую мебель и, слѣдя за движеніями пламени въ горящемъ каминѣ, производила оцѣнку наливкамъ, за исключеніемъ Шурочки, которая стояла у стеклянной двери, выходящей на обширную веранду, занесенную снѣгомъ.

—Посмотрите, какая прелесть! вырвалось вдругъ восклицаніе у Шуры.

Первыми подошли къ сестрѣ братья, а затѣмъ и старики

Вправо отъ помѣщичьей усадьбы и дома тянулось на возвышенномъ мѣстѣ село и сегодня, въ день сочельника, представляло собою чудную картину. Всегда мрачное, вѣчно сонное и вѣчно темное, оно имѣло сегодня, поистинѣ, праздничный видъ. Каждая хата была ярко освѣщена и въ небольшія свои окна обильно бросала на улицу полосы свѣта. Такъ освѣщаются въ Малороссіи села только одинъ разъ въ году, подъ Рождество Христово, когда украинскій обычай запрещаетъ гасить свѣтъ и ложиться спать. Какой это прекрасный обычай, и какія пріятныя ночи подъ Рождество! При освѣщеніи лампады, лампы, свѣчи или «каганчика» въ эту чудную, бодрствующую ночь сколько разсказывается и въ хатахъ и въ хоромахъ, страшныхъ исторій! Сколько вспоминается приключеній съ вѣдьмами, вовкулаками, домовыми, сколько, наконецъ, передается трогательныхъ исторій любви и заботъ о ближнихъ и убогихъ въ святой вечеръ подъ Рождество Христово. Семья Аркадія Илларіоновича знала всѣ эти прелести съ дѣдовъ и прадѣдовъ и поддерживала ихъ самымъ заботливымъ образомъ. У Аркадія Илларіоновича при видѣ сельской ночной панорамы пробудился вдругъ въ памяти цѣлый рядъ различныхъ воспоминаній и разсказовъ и онъ готовъ уже былъ усѣсться въ кресло и начать ихъ, но въ это время Вася и Коля рѣшили пойти на мезонинъ стараго дома и тамъ съ балкона полюбоваться съ большимъ удобствомъ на далеко развернувшееся громадное село.

—И меня возьмите, —просилась сестра.

—Нѣтъ, Шурочка, ты не ходи, тебѣ нельзя, - заговорила мать:—тамъ глубокій не расчищенный снѣгъ, да, наконецъ, и лѣстница въ старомъ домѣ опасна... Я-бы и вамъ не совѣтовала ходить! отговаривала она своихъ сыновей.

—Да, что вы, мама, мы, вѣдь, не дѣвочки, возразилъ Коля, и студенты черезъ минуту были уже въ саду, направляясь къ старому дому.

На дворѣ стояла тихая, морозная ночь. Небо усѣяно было ясными, молчаливыми звѣздами. На снѣгу, словно, драгоцѣнные камни, сверкали морозныя пылинки, подъ ногами звонко скрипѣлъ перемерзшій снѣгъ. Молодые люди добрались до стараго дома и вышли на балконъ. Видъ на освѣщенное село открывался отсюда дѣйствительно восхитительный. Молодые люди молча любовались картиной. Но вотъ на возвышенномъ мѣстѣ обдала ихъ волна холоднаго вѣтра и до слуха донесся жалобный вой голодныхъ волковъ. Усадьба отдѣлена была отъ села болотомъ, на которомъ, въ двухъ верстахъ отъ усадьбы, былъ островъ, называвшійся «Волчьи норы», откуда и доносился теперь голодный вой

Непріятная, тяжелая голодная пѣсня живого существа.

—Коля ты слышишь? тихо спросилъ Вася

—Да, слышу: отвѣтилъ братъ

—У-у-у-у! Снова принесъ вѣтеръ скорбную пѣсню.

Молодые люди немного постояли и пошли домой.

—Ну, что? Никого не встрѣтили въ старомъ домѣ? Ничто не напугало васъ тамъ? Смѣясь спрашивалъ отецъ студентовъ.

Вася тотчасъ началъ разсказывать о волкахъ. Пожалѣли сытые люди голодныхъ волковъ и перешли на другую тему. Во время одного изъ перерывовъ Аркадій Илларіоновичъ обратился вдругъ къ своимъ дѣтямъ съ такимъ вопросомъ:

—А разсказывалъ ли я вамъ когда нибудь о томъ, что произошло когда то въ нашемъ старомъ домѣ, въ которомъ вы сейчасъ были?

—Волки, вѣроятно, приходили? да? Спросилъ одинъ изъ сыновей.

—Нѣтъ, не волки, а былъ такой случай, о какихъ разсказываютъ только на Рождественскихъ святкахъ. Было это какъ разъ подъ Рождество...

—А, умирающій странникъ!! догадывались нѣкоторые.

—Нѣтъ, не странникъ, а казацкіе офицеры.

—Офицеры... Нѣтъ, этого вы намъ не разсказывали.

—То-то что нѣтъ. Вашему дѣдушкѣ было тогда не болѣе 35 лѣтъ; а мнѣ 8 или 9 лѣтъ. Дѣдушка тогда не служилъ уже въ военной службѣ, но товарищей своихъ не чуждался и каждый годъ праздновало у по нѣсколько офицеровъ. Такъ было и въ то время, о которомъ я хочу вамъ разсказать. Къ намъ пріѣхало тогда человѣкъ шесть казаковъ-офицеровъ и все люди были цвѣтущіе, здоровые—прелесть! мы и тогда уже жили не въ старомъ домѣ, а въ этомъ. Дѣдушка всю свою жизнь не любилъ стараго дома, называлъ его сараемъ, конюшней и какъ только вступилъ во владѣніе имѣніемъ послѣ своего отца—сейчасъ же выстроилъ вотъ этотъ домъ, а старый обратилъ въ складъ, оставивъ только библіотеку, да еще двѣ комнаты, что рядомъ съ библіотечной, подъ мезониномъ. Комнаты эти сначала предназначались для пріѣзжихъ, а когда выстроенъ былъ для этого флигель, то въ старомъ домѣ не жилъ уже никто и посѣщали его только ради библіотеки. Знакомые не разъ удивлялись и упрекали дѣдушку, что онъ забросилъ такой въ сущности крѣпкій и отлично построенный домъ; но дѣдушка въ такихъ случаяхъ или отшучивался, или же дѣлалъ серьезный видъ и говорилъ тономъ сожалѣнія:

—Да, домъ дѣйствительно отлично построенный, одна только бѣда, что въ немъ домовые живутъ.

На послѣднее объясненіе дѣдушки сначала мало обращали вниманія, но черезъ нѣкоторое время начали интересоваться все болѣе и болѣе и, наконецъ, стали распрашивать, какія именно явленія бываютъ въ заброшенномъ домѣ?

—Явленія бываютъ самыя разнообразныя и разнохарактерныя, — отвѣчалъ бывало дѣдушка, не вдаваясь въ подробности.

Съ теченіемъ времени у дѣдушкиныхъ знакомыхъ установилось, наконецъ, убѣжденіе, что въ старомъ домѣ живутъ домовые и домъ по этому заброшенъ. Такое мнѣніе не опровергалось, почему начали являться смѣльчаки съ попытками переночевать въ старомъ домѣ, но попытки свои кончали они тѣмъ, что опыты откладывали на «нѣкоторое» время, а потомъ какъ то забывали объ этомъ и испытаній не производили вовсе.

Слава стараго дома была въ самомъ разгарѣ въ то время, когда пріѣхали къ покойному дѣдушкѣ казаки-офицеры. Въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ одинъ офицеръ, Петръ Николаевичъ Камневъ, онъ имѣлъ замѣчательно уравновѣшенный характеръ, твердую волю, а въ особенности отличался смѣлостью, невозмутимостью и абсолютнымъ невѣрованіемъ въ вѣдьмъ, домовыхъ и другія подобныя явленія.

Когда послѣ кутьи завязался разговоръ и всѣ перешли на тему о сверхъестественныхъ и непонятныхъ явленіяхъ, Камневъ повторялъ спокойно:

—Все это, господа, глупости, и ничего больше?

Дѣдушка вашъ тоже былъ человѣкомъ не вѣрующимъ въ этомъ отношеніи, однакоже утверждалъ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ жить безъ какого-либо суевѣрія и на этомъ основаніи вполнѣ оправдывалъ свое вѣрованіе въ понедѣльникъ, цифру тринадцать и то, что если идешь куда нибудь по важному дѣлу, да забудешь что либо и возвратишься, значитъ постигнетъ тебя полнѣйшая неудача.

Всѣ соглашались съ дѣдушкой и откровенно сознавались въ своихъ суевѣріяхъ; не соглашался только Камневъ и продолжалъ твердить:

—Глупости это и больше ничего!

Такое упорное и невозмутимое отрицаніе всякаго суевѣрія раздражало присутствующихъ и они задорно обратились къ Камневу:

—Ну, хорошо, если ужъ ты такой храбрецъ и ни во что не вѣришь, то переночуй сегодня въ старомъ домѣ съ мнимыми по твоему домовыми.

—Что-жъ, и переночую! твердо проговорилъ Камневъ.

—Переночуешь,—вотъ и отлично! Вотъ тогда и докажешь, тогда и повѣримъ мы въ твою храбрость.

—Да, повѣрите,—спокойно говорилъ Камневъ и этимъ раздражалъ присутствующихъ еще болѣе.

—Въ такомъ случаѣ ты долженъ идти въ старый домъ сейчасъ, чтобы находиться тамъ къ двѣнадцати часамъ ночи.

—Отлично, я готовъ, хотя-бы и сейчасъ, но только подъ такимъ условіемъ, чтобы мнѣ приготовлена была удобная постель, зажжены двѣ свѣчи, а двѣ или болѣе оставлены въ запасъ. Затѣмъ я долженъ быть снабженъ интересной книгой, заряженнымъ револьверомъ на шесть пуль. Вотъ и все! Больше мнѣ не нужно ничего, развѣ одно только—въ случаѣ если я въ холодной комнатѣ озябну, то дайте мнѣ право въ три или въ четыре часа утра удрать къ вамъ въ теплый залъ.

—Я помѣщу васъ въ прекрасно истопленную комнату, заговорилъ дѣдушка, тамъ у меня библіотека и двѣ комнаты рядомъ съ нею, онѣ у меня всегда согрѣты.

—Тѣмъ лучше! спокойно проговорилъ Камневъ.

Черезъ четверть часа комната была приготовлена; всѣ съ шумомъ поднялись съ своихъ мѣстъ, проводили Камнева въ старый домъ, снабдили его тѣмъ, что онъ требовалъ и оставили доказывать храбрость и отсутствіе суевѣрія.

Было половина двѣнадцатаго, когда Камневъ легъ въ мягкую теплую постель и началъ читать книгу. До часу ночи все шло благополучно и Камневъ началъ уже подремывать, но пробилъ часъ ночи и домовые начали вдругъ показывать свое присутствіе.

Первымъ явленіемъ было то, что въ мезонинѣ, надъ самой комнатой Камнева, послышалась какая-то возня, легкій шумъ и чьи-то тихіе шаги. Камневъ отложилъ книгу въ сторону и началъ прислушиваться. Прошло нѣсколько минутъ, а шумъ все продолжался, постепенно усиливался и Камнева немного удивлялъ, такъ какъ ему отлично извѣстно было, что на мезонинѣ, кромѣ старой мебели, ничего другого не было, да и мебели было такъ много, что тамъ и повоpотиться не гдѣ было.

Прошло еще нѣсколько времени; на мезонинѣ вдругъ заскрипѣли двери и на лѣстницѣ послышались медленные, тяжелые шаги. Лѣстница выходила какъ разъ къ дверямъ комнаты, занимаемой офицеромъ. Камневъ хотѣлъ было встать съ постели и запереть вдерь, но ему стало неловко, что онъ немного струсилъ, а потому онъ только привсталъ на своей постели и, опершись на локоть, смотрѣлъ на дверь и ожидалъ, что будетъ дальше. Шаги медленно опускались со ступеньки на ступеньку, производя непріятное скрипѣніе расшатанными досками. Шаги были, казалось, босого человѣка, такъ какъ никакого стука не производили. Но вотъ шаги замолкли и за дверьми комнаты послышалась какая то возня. Камневъ началъ всматриваться въ дверь еще пристальнѣе. Мѣдная ручка въ дверяхъ его комнаты начала медленно опускаться внизъ. Очевидно, что кто то нажималъ ее съ той стороны и нужно было ожидать, что вотъ-вотъ кто то войдетъ въ комнату. Камневъ осторожно заложилъ руку подъ подушку, досталъ револьверъ, взвелъ курокъ и, не сводя съ дверей глазъ, приготовился. Тѣмъ временемъ ручка въ дверяхъ опустилась еще ниже и дверь начала тихо отворяться. Когда же, наконецъ, дверь раскрылась совершенно, на порогѣ появилась высокая фигура въ чулкахъ выше колѣнъ и въ легкихъ туфляхъ, а верхняя часть тѣла одѣта была въ какую то странную одежду, которая одновременно покрывала даже голову и часть лица. Фигура не проявляла никакого признака смущенія, движенія ея были совершенно спокойны, поступь твердая, рѣшительная.

—Ты кто? крикнулъ Камневъ.

Фигура не обратила никакого вниманія на грозный вопросъ офицера и спокойно сдѣлала шагъ впередъ.

—Не подходи, а то убью! Снова крикнулъ Камневъ и при этомъ приподнялъ револьверъ.

Фигура спокойно приближалась къ офицеру. Камневъ поблѣднѣлъ, плавно нажалъ спускъ револьвера и въ комнатѣ раздался выстрѣлъ, глухо отзываясь въ сосѣднихъ пустыхъ комнатахъ, но фигура и послѣ этого безъ всякаго смущенія продолжала медленно приближаться къ постели Камнева. Офицеръ тотчасъ сдѣлалъ выстрѣлъ второй, третій, четвертый—комната наполнилась густымъ пороховымъ дымомъ, а не уязвимая фигура двигалась впередъ и за четвертымъ выстрѣломъ стояла уже какъ разъ противъ Камнева, всего на разстояніи не болѣе двухъ шаговъ. Камневъ выпустилъ еще двѣ пули въ самый упоръ, но фигура даже не шевельнулась. Офицеръ опустилъ на постель руку съ дымящимся еще револьверомъ и, казалось, застылъ на мѣстѣ, а фигура тѣмъ временемъ, не трогаясь съ мѣста сдѣлала, по направленію къ дверямъ, спокойный, величественный жестъ и въ комнату вошли двѣ новыя фигуры. Онѣ одѣты были въ бѣлые саваны и тихо, безшумно, словно тѣни, несли въ рукахъ закрытый дубовый гробъ. Фигуры приблизились къ кровати Камнева, сняли съ гроба крышку и начали смотрѣть на тутъ-же стоящую черную фигуру. Послѣдняя подняла свою руку, молча указала на Камнева, а затѣмъ перенесла свое указаніе на открытый гробъ, какъ будто говоря выразительнымъ своимъ жестомъ:—«ложись»!

У Камнева зашевелились на головѣ волосы, потемнѣло въ глазахъ, спазмы сжали дыхательное горло и онъ какъ снопъ повалился на свою постель. Моментально погасли свѣчи, послышался въ старомъ домѣ какой-то шорохъ и, наконецъ, все стихло.

Минутъ черезъ 10—15 безчувственнаго Камнева товарищи перенесли въ новый домъ и начали приводить въ сознаніе.

Сознаніе къ Камневу вернулось, но онъ такъ былъ потрясенъ описаннымъ явленіемъ, что окончательно поставить его на ноги удалось только докторамъ, да и то черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

—Папочка, кто-же къ нему приходилъ, откуда взялся гробъ и почему Камневъ не могъ убить приближавшейся къ нему фигуры? съ живѣйшимъ интересомъ спросила Шурочка.

Вопросы эти заинтересовали и прочихъ слушателей, а потому всѣ ожидали объясненія.

Аркадій Илларіоновичъ заговорилъ:

—Да, дѣдушка былъ правъ... Если-бы Камневъ дѣйствительно былъ храбръ и не суевѣренъ, то съ нимъ не случилось-бы этого... Черная фигура,—былъ вашъ дѣдушка, а прочіе—товарищи Камнева. А Камневъ не могъ застрѣлить дѣдушки потому, что изъ патроновъ вынуты были пули.

—А откуда-же взялся гробъ? спросилъ Вася.

—Гробъ? А вотъ откуда! у дѣдушки былъ любимецъ столяръ старикъ Остапъ. Когда Остапу минуло 80 лѣтъ, дѣдушка заказалъ ему для себя дубовый гробъ и хранилъ его на мезонинѣ. Дѣдушку дѣйствительно похоронили въ этомъ гробѣ.

—Странный, однако, былъ нашъ дѣдушка! Замѣтилъ Вася.

—Да, у него были нѣкоторыя оригинальности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и прекраснѣйшій человѣкъ былъ вашъ дѣдушка; въ особенности-же отличался онъ гостепріимствомъ, а подчасъ и не совсѣмъ невинными шутками.

М. К—ко

ЗАГОРОДНАЯ ПРОГУЛКА

(Съ нѣмецкаго).

Эрнста фонъ-Вильденбрухъ

Былъ одинъ пунктъ, котораго Генцхенъ никакъ не могъ достаточно уяснить себѣ, относительно котораго и Френцхенъ, его сестрица, которой исполнилось уже семь съ половиной лѣтъ, т. е. было на цѣлый годъ и два мѣсяца больше, чѣмъ брату, тоже не могла дать должнаго отвѣта; это былъ вопросъ: что такое въ сущности Провидѣніе?

Относительно того, что Господь Богъ охраняетъ ихъ, Генцхенъ и Френцхенъ были одного мнѣнія, потому что каждый вечеръ, когда мать укладывала ихъ въ постель, и складывала ихъ ручонки для молитвы, она произносила одинъ стихъ, въ которомъ оба они ввѣрялись Провидѣнію Господню; относительно наружности Господа Бога и того, что Онъ выглядитъ вѣрно приблизительно такъ, какъ отецъ, только гораздо, гораздо старше и съ длинной, длинной бѣлой бородой—у нихъ тоже не было никакихъ сомнѣній. Но Провидѣніе! Они спрашивали мать, но объясненіе, которое они отъ нея получили, только увеличило ихъ мракъ: Господь Богъ, значилось въ этомъ объясненіи, знаетъ все, прошедшее и будущее, а потому Онъ всегда знаетъ заранѣе, если дитя будетъ себя не хорошо вести и дѣлать то, что не слѣдуетъ. И въ своей безконечной добротѣ Онъ заботился о томъ, чтобы дѣтское непослушаніе не имѣло дурныхъ послѣдствій, и приводитъ все снова къ хорошему концу.

Это было что-то очень странное: Богъ заранѣе знаетъ, что дѣти будутъ непослушны, и все-таки допускаетъ ихъ до этого? Вѣдь у Него такъ много ангеловъ въ распоряженіи, Генцхенъ насчитывалъ ихъ покрайней мѣрѣ тысячу, а Френцхенъ увѣряла его, что ихъ самое меньшее десять тысячъ,—почему-же Онъ, замѣтивъ, что дитя хочетъ сдѣлать что-нибудь дурное, не пошлетъ скорѣе одного изъ ангеловъ, чтобы онъ крикнулъ ему: «Генцхенъ или Френцхенъ, Богъ велитъ тебѣ передать, чтобы ты не дѣлалъ того, что ты собирался сдѣлать». И потомъ, если грѣхъ все-таки случится, Богъ заботится о томъ, чтобы онъ не имѣлъ дурныхъ послѣдствій? Значитъ, Онъ знаетъ заранѣе, какую массу труда и работы доставитъ Ему дѣти, и все-таки не принимаетъ никакихъ предупредительныхъ мѣръ?

Чѣмъ больше Френцхенъ и Генцхенъ объ этомъ думали, тѣмъ глубже становилась для нихъ загадка.

И вотъ однажды лѣтомъ, во время обѣда, отецъ объявилъ дѣтямъ, что на слѣдующій день, если будетъ хорошая погода и если оба они будутъ себя до того времени хорошо вести, состоится загородная прогулка.

Вмѣстѣ съ родителями они отправятся послѣ обѣда на ферму, которая находится въ часовомъ разстояніи отъ города; тамъ родители будутъ пить кофе, а Генцхенъ и Френцхенъ молоко съ пирожными. Хо-

рошо, что дѣти уже сытно поѣли, прежде чѣмъ услышать объ этомъ извѣстіи, а то они отъ восторга навѣрное ничего не взяли-бы въ ротъ. И что было удивительнѣе всего: когда дѣти поблагодарили родителей за обѣдъ и Генцхенъ сѣлъ на правое, а Френцхенъ на лѣвое колѣно отца, послѣдній съ какой-то особенной улыбкой сказалъ имъ, «что онъ навѣрное не знаетъ, но что очень можетъ быть, что завтра они между прочимъ узнаютъ, что такое Провидѣніе».

Это придавало событію какую-то новую, таинственную прелесть, и у Генцхенъ и Френцхенъ было такое чувство, точно они должны до завтрашняго послѣобѣда вести себя такъ, чтобы сознательно или безсознательно не впасть въ грѣхъ и такимъ образомъ не лишиться прогулки.

Ночью обоимъ снилось Провидѣніе: Генцхенъ видѣлъ его въ образѣ старой женщины, которая шла рука объ руку съ Богомъ и говорила съ Нимъ о послушныхъ и непослушныхъ дѣтяхъ. Френцхенъ видѣла невѣроятно длинную руку, которая высунулась изъ облаковъ и своимъ длиннымъ, какъ тополь, указательнымъ пальцемъ чертила линіи на землѣ,—это вѣрно были пути, по которымъ должны были итти послушныя дѣти.

Наконецъ, настаѣлъ желанный день и Богъ, изъ особаго расположенія къ Генцхенъ и Френцхенъ, позаботился о томъ, чтобы этотъ день былъ великолѣпнымъ, солнечнымъ. Обѣдъ кончился и мать пошла съ дѣтьми въ спальню, чтобы приготовить ихъ къ великому предпріятію. Генцхенъ получилъ голубую ситцевую матросскую курточку и темно-коричневую соломенную шляпу съ развѣвающейся черной лентой; Френцхенъ—бѣлую пелеринку и желтую соломенную шляпу съ развѣвающейся бѣлой лентой.

На думскихъ часахъ пробило четыре часа, когда Генцхенъ и Френцхенъ, шагая впереди родителей, вышли изъ дому. Не успѣли они пройти и ста шаговъ по улицѣ, какъ по распоряженію отца была сдѣлана первая стоянка, и эта стоянка оказалась дальнѣйшей ступенью на лѣстницѣ блаженства дѣтей.

Она произошла на углу, тамъ гдѣ находилась большая кондитерская, мимо которой Генцхенъ и Френцхенъ еще ни разу не проходили безъ того, чтобы не вдохнуть въ себя съ какимъ-то трепетнымъ чувствомъ сладкій запахъ пирожнаго, который шелъ изъ подвальнаго этажа, гдѣ находилась пекарня. Сегодня это чувство было не только блаженнымъ сномъ, сегодня они дѣйствительно вошли въ это обиталище всѣхъ радостей. Отецъ самъ открылъ дверь и сказалъ:

—Ну-ка, войдите сюда.

Пища отъ восторга, вошли дѣти въ кондитерскую и застыли на мѣстѣ передъ большимъ прилавкомъ, на которомъ лежали все пирожныя и пирожныя и одно чудеснѣе другого.

—Присмотритесь хорошенько, сказалъ стоявшій за ними отецъ,—каждый изъ васъ можетъ выбрать себѣ по одному пирожному и взять его съ собой.

Это было слишкомъ много, Генцхенъ и Френцхенъ могли только вздохнуть, говорить при такомъ счастьи было невозможно, они сначала посмотрѣли другъ на друга, потомъ вытянули шеи, чтобы охватить взоромъ весь прилавокъ. Но для этого они оказались слишкомъ малы ростомъ. Любезная хозяйка, которая, улыбаясь, стояла за прилавкомъ, поспѣшила дѣтямъ на помощь и поставила имъ по скамеечкѣ, съ высоты которыхъ они свободно могли обозрѣть всѣ границы ея сокровищъ. Теперь только они могли во всей полнотѣ замѣтить всѣ подробности, и вмѣстѣ съ выборомъ для нихъ настала мука. Большое пирожное въ формѣ дерева, которое точно башня возвышалось на одномъ крылѣ прилавка, приковало сначала глаза обоихъ.

—Посмотри, сколько вѣтокъ, прошепталъ Генцхенъ, при чемъ онъ отъ волненія такъ толкнулъ Френцхенъ въ бокъ, что та чуть не упала со скамейки.

—А, это огромное, съ яблоками и такая масса сахара на немъ, пробормотала Френцхенъ.

Долго продолжался осмотръ и если-бы не рѣшительное слово отца, которое призывало ихъ къ болѣе быстрому выбору, они оба, можетъ быть, и по сію пору стояли-бы у прилавка съ пирожными. На серединѣ стола, блестя, какъ полнолуніе въ лѣтній вечеръ, лежала большая, еще горячая ватрушка, на ней-то и остановился, наконецъ, Генцхенъ, послѣ того какъ онъ грустнымъ прощальнымъ взглядомъ обвелъ остальныя прелести. Френцхенъ осталась вѣрна яблочному пирогу.

Продавщица взяла оба пирожныя, посыпала ихъ еще сверху значительнымъ количествомъ сахара и, завернувъ каждое въ бумажный мѣшочекъ, положила ихъ въ протянутыя руки дѣтей. Осторожно, какъ будто-бы они несли въ рукахъ самую крупкую вещь въ мірѣ, дѣти сошли съ скамеекъ и ждали дальнѣйшихъ распоряженій отца.

—Ну смотрите-же, сказалъ отецъ, теперь мы увидимъ, насколько вы послушныя и стойкія дѣти. Вы сами понесете свои пирожныя, чтобы съѣсть ихъ потомъ вмѣстѣ съ молокомъ на фермѣ, кто-же съѣстъ свое пирожное по дорогѣ, тотъ не только не получитъ другого, но лишится и молока.

Френцхенъ и Генцхенъ внимали этимъ знаменательнымъ словамъ, и руки ихъ невольно крѣпче сжимали отверстія мѣшочковъ, точно желая поглубже запрятать ароматнаго искусителя, находившагося въ нихъ.

—Итакъ, сказалъ отецъ, вы знаете все, теперь, пойдемъ.

На думскихъ часахъ пробило половина пятаго, когда Генцхенъ и Френцхенъ вмѣстѣ съ родителями вышли изъ кондитерской. Они шли впереди отца и матери, съ извѣстной торжественностью, какъ люди, которые сознаютъ, что на нихъ возложена большая и значительная задача. Мѣшочки съ пирожными они держали на возможно далекомъ разстояніи отъ себя.

Но при переходѣ черезъ мостъ они осторожно прижали ихъ къ себѣ—было-бы слишкомъ грустно, если-бы они упали въ воду.

По ту сторону моста, на лонѣ природы, строгій порядокъ шествія нарушился, и въ то время какъ родители ровнымъ шагомъ подвигались впередъ, Генцхенъ и Френцхенъ бѣгали то направо то налѣво отъ дороги, поэтому не удивительно, что они скоро отстали на довольно большое разстояніе. Наступила, наконецъ, минута, когда они въ первый разъ могли поближе осмотрѣть мѣшочки; открыты они, конечно, не были, это дало-бы слишкомъ большую волю искушенію, лишь-бы снаружи на нихъ посмотрѣть! Какая красивая блестящая бумага и какъ ярко выдѣляется на ней фирма кондитерской! Въ то самое время, какъ дѣти были увлечены этимъ интереснымъ занятіемъ, имъ навстрѣчу бѣжалъ ихъ общій маленькій другъ, такса Менне, которая возвращалась съ прогулки вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ. Узнавъ дѣтей, которыя привѣтствовали ее криками восторга, собака галопомъ помчалась къ нимъ, насторожила свои коричневыя уши и всунула свою холодную острую морду въ руку Генцхенъ, старательно обнюхивая мѣшочекъ съ пирожнымъ. Но просительные взгляды Менне остались незамѣченными, и она должна была удовольствоваться тѣмъ, что дѣти самымъ нѣжнымъ образомъ обнимали, гладили и цѣловали ее со всѣхъ сторонъ. Увидѣвъ, наконецъ, что изъ этого ничего не выйдетъ, и поживиться будетъ нечѣмъ, Менне повернулась, чихнула и засѣменила своими маленькими кривыми ножками за своимъ хозяиномъ. Дѣти провожали собаку грустными взглядами, въ душѣ навѣрное считая его за свою, если не близкую, то по крайней мѣрѣ дальнюю родственницу.

Встрѣча съ Менне оказалась однако не безъ послѣдствій, потому что черезъ нѣсколько шаговъ Генцхенъ поднялъ мѣшочекъ къ носу.

—Ахъ, обратился онъ къ Френцхенъ;—понюхай только; неужели и твой такъ чудесно пахнетъ?

Нужно было установить фактъ, и въ теченіе нѣкотораго времени Генцхенъ нюхалъ мѣшочекъ Френцхенъ, а Френцхенъ—мѣшочекъ Генцхенъ. Результатъ изслѣдованія оказался вполнѣ удовлетворительнымъ; оба пирожныя пахли одинаково соблазнительно.

Поднимая свой мѣшочекъ, Френцхенъ услышала вдругъ, что тамъ что-то тарахтитъ.

—Послушай-ка, сказала она, поднося мѣшочекъ къ уху Генцхенъ.

—Оно вѣрно сломалось пополамъ, сказалъ онъ. Тебѣ слѣдовало-бы посмотрѣть.

Повидимому, Френцхенъ предугадывала опасность, которая таилась въ этомъ предложеніи, потому что она остановилась и посмотрѣла на родителей; но послѣдніе продолжали свой путь, не оборачиваясь. Вѣдь открывать мѣшочекъ—не было запрещено: Френцхенъ осторожно раскрыла отверстіе мѣшочка, и дѣти сдвинули свои головки и заглянули туда такими глазами, точно они смотрѣли въ сокровищницу какого-нибудь сказочнаго замка. Дѣйствительно — маленькій кусочекъ яблока и двѣ изюминки отдѣлились отъ тѣста и свободно катались въ мѣшкѣ рядомъ съ главнымъ кускомъ.

Генцхенъ молча посмотрѣлъ на Френцхенъ; Френцхенъ молча посмотрѣла на Генцхенъ; вдругъ оба сразу покраснѣли, Френцхенъ снова закрыла мѣшочекъ и дѣти продолжали свой путь.

Пройдя около пятидесяти шаговъ, Генцхенъ подошелъ къ сестрѣ.

—Знаешь, что, сказалъ онъ ей, но сказалъ едва слышно: вѣдь въ сущности отломавшійся кусочекъ не относится больше къ пирожному, и ты могла бы его съѣсть!

Френцхенъ разжала руку съ мѣшкомъ, ничего не отвѣтила и только покраснѣла до ушей.

Черезъ тридцать шаговъ Генцхенъ началъ снова:

—Знаешь, сказалъ онъ, если ты такъ боишься, мы могли бы сдѣлать это вдвоемъ! Или даже... я могъ бы съѣсть его одинъ? Тогда ты не будешь ни въ чемъ виновата.

Френцхенъ оставалась стойкой и на всѣ предложенія маленькаго софиста отвѣчала пассивнымъ молчаніемъ.

Опять прошло нѣкоторое время.

Вдругъ Генцхенъ открылъ свой мѣшокъ и заглянулъ въ него.

—Я дамъ тебѣ за это кусочекъ своего, сказалъ онъ: посмотри.

И опять обѣ головки сдвинулись надъ мѣшочкомъ. Украшенная черной коронкой ватрушка соблазнительно блестѣла. Генцхенъ слегка придавилъ мѣшочекъ—и нѣсколько коринокъ, отдѣлившись изъ желтой рамки, упали на бумагу. Генцхенъ вытрусилъ ихъ себѣ на ладонь и поднесъ сестрѣ.

Дѣвочка сначала отшатнулась, потомъ быстро засунула руку въ свой мѣшочекъ и, взявъ двумя пальцами коринку Генцхенъ, другими двумя протянула ему кусочекъ яблока и двѣ изюминки. И коринка, и кусочекъ яблока исчезли въ противоположныхъ направленіяхъ въ дѣтскихъ ртахъ.

Какъ только дѣло было сдѣлано, оба судорожно зажали свои мѣшки и молча пошли рядомъ, бросая отчаянные взгляды на шагающихъ впереди родителей. Тѣ, не оборачиваясь, ровнымъ шагомъ, продолжали свой путь.

Чтобы достигнуть фермы, нужно было свернуть теперь на право и пройти черезъ широкій лугъ. Тамъ не было ни деревца, ни кустика, одно яркое, горячее полуденное солнце и неизбѣжно связанныя съ нимъ сушь и жажда. Если бы можно было выпить сейчасъ то прохладное, вкусное молоко, которое ожидало ихъ на фермѣ!

Но до фермы было еще далеко.

Нѣсколько изюминокъ или маленькій кусочекъ вкуснаго желтаго творога было бы все-таки хоть нѣкоторымъ освѣженіемъ.

—Потруси еще твой мѣшочекъ, съ внезапнымъ рѣшеніемъ обратился Генцхенъ къ сестрѣ.

Дѣвочка послушалась—ничего не было слышно къ сожалѣнію.

—Мы все-таки посмотримъ, рѣшилъ онъ: казалось, что онъ очень охотно помогъ бы упрямому, неломающемуся пирожному.

Нельзя сказать, чтобы Френцхенъ отдала свой мѣшочекъ, она только позволила брату открыть его свободной рукой и снова заглянуть внутрь.

Пирожное лежало, какъ кусокъ камня, въ своей нерушимой цѣлости. Генцхенъ съ раздраженіемъ развернулъ свой собственный мѣшочекъ и въ теченіе нѣкотораго времени дѣти шли, опустивъ глаза въ свои мѣшки и точно разговаривая съ пирожными.

Вдругъ Генцхенъ сорвалъ стебель травы и всунулъ его въ свой мѣшокъ.

—Я хочу только сравнять дырочки, гдѣ была коринка, объяснилъ онъ.

Вдругъ онъ вынулъ стебелекъ, покрывшійся тонкимъ слоемъ творога, и поднесъ его къ лицу Френцхенъ.

—Лизни-ка, сказалъ онъ.

Френцхенъ лизнула.

Въ эту минуту случилось нѣчто такое, что заставило дѣвочку вздрогнуть до глубины души: Генцхенъ рѣшительнымъ движеніемъ отломалъ цѣлый кончикъ своей ватрушки и протянулъ его сестрѣ.

—Но за это ты должна дать мнѣ кусочекъ твоего, сказалъ онъ.

—Нельзя-же, возразила дѣвочка, пугливо посматривая на родителей.

—Они вѣдь не оборачиваются, успокаивалъ ее Генцхенъ, а потомъ это такой малюсенькій кусочекъ, а останется такая масса.

—Но больше ни кусочка, ни-ни-ни, проговорила Френцхенъ, нерѣшительно дотрагиваясь до своего пирожнаго.

—Нѣтъ, конечно, больше не нужно, обѣщалъ Генцхенъ, и въ ту-же самую минуту кусокъ яблочнаго пирожнаго пропутешествовалъ въ его ротъ, а кусокъ ватрушки въ ротъ Френцхенъ. О, какъ это вкусно—въ такую жару! Дѣти прищелкнули языкомъ отъ удовольствія, и вмѣстѣ съ этимъ кускомъ искуситель вошелъ въ нихъ.

Въ ту минуту, когда Френцхенъ хотѣла снова закрыть свой мѣшокъ, Генцхенъ подскочилъ къ ней:

—Еще одинъ кусочекъ, умоляюще воскликнулъ онъ, одинъ, малюсюсенькій кусочекъ! И потомъ ужъ я навѣрное больше не буду просить! Пожалуйста, пожалуйста! Онъ едва говорилъ отъ волненія, и стойкость Френцхенъ, уже сама по себѣ не особенно значительная, окончательно сломилась, когда Генцхенъ стремительно засунулъ руку въ свой мѣшокъ и вытащилъ оттуда большой кусокъ ватрушки.

—Теперь осталась только половина, глухимъ голосомъ сказала Френцхенъ, освидѣтельствовавъ остатокъ.

Съ этой минуты обоими овладѣло какое-то отчаяніе, они еще нѣсколько разъ подрядъ хватались за мѣшки и запихивали другъ-другу въ ротъ каждый свое пирожное. При этомъ у нихъ было такое чувство, точно они съ каждымъ опусканіемъ руки въ мѣшокъ, съ каждымъ кускомъ пирожнаго отдавали кусокъ вѣчнаго блаженства. И оба вдругъ, сразу, заплакали беззвучно, чтобы родители не услыхали, слезы ручьемъ текли по жующимъ щекамъ.

Заглянуть въ мѣшки дѣти уже не рѣшались, они только ощупывали ихъ дрожащими пальцами и то, что они тамъ нащупывали, было ужасно: на самомъ днѣ мѣшочковъ лежало по маленькому послѣднему кусочку пирожнаго. При этомъ открытіи Генцхенъ и Френцхенъ безмолвно посмотрѣли другъ на друга затуманенными отъ слезъ глазами, потомъ онъ сунулъ ей въ руку свой мѣшочекъ, она ему свой, и среди душу раздирающихъ рыданій и тихихъ стоновъ Генцхенъ съѣлъ остатокъ яблочнаго пирожнаго Френцхенъ, а Френцхенъ съѣла остатокъ ватрушки Генцхенъ. Не успѣвъ проглотить послѣдній кусокъ, оба одновременно разразились жалобнымъ ревомъ и смотрѣли другъ на друга, какъ два вора.

Когда испуганные крикомъ родители обернулись, ихъ глазамъ представилась слѣдующая картина: Генцхенъ и Френцхенъ, которые въ эту минуту уже повернулись другъ къ другу спиной, стояли по обѣ стороны дороги, точно двѣ плакучія ивы и съ тупымъ отчаяніемъ смотрѣли въ свои пустые мѣшки.

Невдалекѣ, среди тѣнистыхъ верхушекъ деревьевъ, блестѣла красная кирпичная крыша фермы, и, сдѣлавъ еще съ сотню шаговъ, путники очутились у цѣли своей прогулки. У калитки сада, въ которомъ они собирались сдѣлать привалъ, родители остановились и съ серьезнымъ лицомъ обернулись къ дѣтямъ. Медленно, точно съ привязанными къ ногамъ гирями, брели Генцхенъ и Френцхенъ, какъ два кающихся грѣшника, съ опущенной головой, судорожно сжимая въ рукахъ пустые мѣшки.

—Ну, пойдемъ, сказалъ отецъ, представляясь, что онъ ничего не знаетъ,—мы теперь закажемъ молоко, дайте-ка мнѣ ваши пирожныя.

Неистовый жалобный ревъ, которымъ, какъ по командѣ, разразились Генцхенъ и Френцхенъ, былъ единственнымъ отвѣтомъ на это приглашеніе; оба остановились и закрывая одной рукой лицо, другой спрятали пустые мѣшки за спину. Отецъ, сдѣлавъ удивленное лицо, подошелъ къ дѣтямъ: если бы въ эту минуту явились двѣ мышки и предложили бы дѣтямъ помѣняться съ ними ролями и шкурками, то Генцхенъ и Френцхенъ навѣрное съ радостью согласились бы на эту мѣну. Къ сожалѣнію, ничего подобнаго не случилось, ужасная минута, которой они такъ боялись, наступила и нужно было ее пережить: отецъ вытащилъ мѣшки изъ-за спины дѣтей, съ притворнымъ удивленіемъ заглянулъ въ нихъ и убѣдился, что они пусты.

—Это очень скверно, сказалъ онъ, качая головой, и отчаянное всхлипываніе, глотаніе и стоны обоихъ дѣтей подтвердили, что дѣло дѣйствительно обстоитъ очень скверно. Если бы имъ сейчасъ объявили, что имъ отрубятъ головы, они въ полнотѣ сознанія своей вины приняли бы этотъ приговоръ, какъ вполнѣ заслуженное наказаніе.

—Да, сказалъ отецъ, незамѣтно подмигивая глазами матери,—я васъ предупредилъ, каковы будутъ послѣдствія совершеннаго вами теперь преступленія; человѣкъ долженъ нести послѣдствія своихъ поступковъ, и молоку пишите теперь пропало.

—Если бы хоть Менне не приходила, безнадежно сказалъ Генцхенъ, а то она все время обнюхивала мой мѣшочекъ, а онъ дѣйствительно такъ чудесно пахнулъ.

—Менне неразумное животное, возразилъ отецъ, кусая губы, чтобы не разсмѣяться,—вы-же разумныя дѣти, вы не должны были нюхать мѣшковъ.

Генцхенъ и Френцхенъ покорно и молча выслушали это наставленіе. Потомъ ихъ посадили на скамейку, на разные концы, и тамъ они погрузились въ горькое созерцаніе своего печальнаго положенія. Но вскорѣ вызванная далекой проходкой усталость дала себя знать, къ ней присоединились душевное потрясеніе и обильная потеря слезъ, и черезъ нѣкоторое время влажные глазки закрылись и дѣти погрузились въ сладкій сонъ.

Проспавъ около четверти часа, они почувствовали вдругъ, какъ чья-то мягкая рука нѣжно гладитъ ихъ по лицу: это мать будила ихъ. Взглянувъ передъ собой, дѣти широко раскрыли глаза: передъ ними на столѣ стояли двѣ большія кружки великолѣпнѣйшаго молока и тутъ-же передъ Генцхенъ лежала большая блестящая ватрушка, а передъ Френцхенъ большой кусокъ яблочнаго пирожнаго.

Дѣйствительность это или обманчивый сонъ? Генцхенъ и Френцхенъ боялись вздохнуть; они молча смотрѣли на пирожныя, и коринка ватрушки такъ-же, какъ изюминки яблочнаго пирожнаго, казались имъ черными глазами, которые съ упрекомъ смотрятъ на нихъ.

«Видишь, какой ты скверный мальчикъ», говорила ватрушка Генцхенъ, «видишь, какъ гадко съ твоей стороны, что ты, будучи на годъ и два мѣсяца старше твоего брата, оказалась такой-же не послушной, какъ и онъ», говорило яблочное пирожное Френцхенъ.

Стыдъ и глубокое сознаніе своей виновности овладѣли обоими дѣтьми и ясно отразились на ихъ пылающихъ щекахъ. Наконецъ, они рѣшились робко взглянуть на родителей, которые сидѣли напротивъ нихъ за столомъ; увидѣвъ, что тѣ съ улыбкой смотрятъ на нихъ, они вскочили со скамейки и, не говоря ни слова, вскарабкались на колѣни къ отцу.

—А знаете-ли вы, спросилъ отецъ, когда Генцхенъ усѣлся на его правое колѣно, а Френцхенъ на лѣвое, знаете-ли вы, кто послалъ вамъ эти два новыя пирожныя?

Генцхенъ и Френцхенъ продолжали почтительно молчать.

—Это сдѣлало Провидѣніе, сказалъ отецъ, Провидѣніе, которое заранѣе знало, что вы съѣдите ваши пирожныя по дорогѣ, и потому еще въ городѣ посовѣтовало мнѣ купить вамъ сразу еще по одному такому-же пирожному для того, чтобы ваше непослушаніе не имѣло дурныхъ послѣдствій и все кончилось-бы благополучно.

Съ нѣмымъ выраженіемъ безконечнаго благоговѣнія смотрѣли дѣти на отца. Значитъ, онъ говорилъ съ Провидѣніемъ, а они этого даже не замѣтили; да, теперь ясно, что Богъ можетъ выглядѣть только такъ, какъ онъ. Какое, значитъ, Провидѣніе доброе и какъ много горя и труда доставили они ему своимъ непослушаніемъ—и слезы умиленія закапали въ молоко, которое дѣти начали пить медленными глотками.

—Ну, а теперь принимайтесь за пирожное, сказала мать, пододвигая дѣтямъ оба куска, и никогда еще ни одна ватрушка, ни одно яблочное пирожное не съѣдались съ такимъ благоговѣніемъ, съ такимъ трепетнымъ чувствомъ, съ какимъ ѣли ихъ теперь Генцхенъ и Френцхенъ.

Столѣтній юбилей Павловскаго военнаго училища. 23 декабря празднуется столѣтній юбилей Павловскаго военнаго училища, воспитавшаго не мало русскихъ богатырей и носителей боевой славы и доблести нашей побѣдоносной арміи. Исторія этого учебнаго заведенія, говоритъ «Варш. Дн.», находится въ тѣсной преемственной связи съ существовавшими ранѣе Павловскимъ кадетскимъ корпусомъ и Императорскимъ военно-сиротскимъ домомъ.

Въ 1795 году Императоръ Павелъ I, до вступленія своего на престолъ, основалъ въ Гатчинѣ учебно-воспитательное заведеніе подъ именемъ военно-сиротскаго дома. Школа эта, носившая также названіе дома военнаго воспитанія, предназначалась для мальчиковъ и дѣвочекъ; мужская и дѣвичья половина состояли каждая изъ двухъ отдѣленій: для дѣтей дворянскаго происхожденія и разночинцевъ. Въ 1897 году военно-сиротскій домъ былъ переведенъ въ Петербургъ и на слѣдующій затѣмъ годъ наименованъ Императорскимъ. Ровно сто лѣтъ назадъ, 23 декабря 1798 г., послѣдовало изданіе новаго положенія и штатовъ этого училища. Съ этого дня Павловское военное училище ведетъ свое начало. Въ 1807 году дѣвичье отдѣленіе было изъято изъ вѣдомства совѣта, завѣдывавшаго съ 1805 года военно-учебными заведеніями, и передано въ вѣдѣніе Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ 1827 году военно-сиротскій домъ получилъ знамя. Годъ спустя послѣдовало переформированіе этого училища въ Павловскій кадетскій корпусъ, а бывшее прежде при немъ дѣвичье училище превращено въ Павловскій дѣвичій институтъ, существующій до настоящаго времени. Въ 1844 г. корпусу пожаловано новое знамя, послѣ чего прежнее помѣщено на храненіе въ церковь.

Восточная война указала на необходимость повышенія образовательнаго ценза и спеціальной воинской подготовки офицерскихъ чиновъ. Это вызвало въ 1863 г. коренныя реформы существовавшей до того времени системы военно-учебныхъ заведеній. Тогда изъ общихъ классовъ кадетскихъ корпусовъ были образованы военныя гимназіи, а спеціальные классы превращены въ три военныхъ училища: 1-е Павловское, 2-е Константиновское и 3-е Александровское. Имъ придана была военная организація, и внутренній бытъ ихъ сближенъ съ войсковымъ. Въ составъ Павловскаго училища вошли всѣ спеціальные классы Павловскаго кадетскаго корпуса.

Съ образованіемъ этого училища начальникомъ его былъ назначенъ занимавшій передъ тѣмъ должность директора Павловскаго кадетскаго корпуса, генералъ-маіоръ (нынѣ членъ Государственнаго Совѣта, генералъ-адъютантъ) П. С. Ванновскій.

Нынѣшній военный министръ генералъ-лейтенантъ Куропаткинъ получилъ воспитаніе въ Павловскомъ военномъ училищѣ.

23 декабря, въ 2 час. дня, въ концертной залѣ инженернаго замка при торжественной обстановкѣ состоялась прибивка къ древку жалуемаго по случаю столѣтія Павловскому военному училищу знамени. Къ 2 ч. во дворцѣ собрались: военный министръ, министръ Императорскаго Двора, свита Государя, начальники и директора военныхъ училищъ и корпусовъ, бывшіе начальники училища, депутація французскаго военнаго Сенъ-Сирскаго училища и юнкера. Государь Императоръ, выйдя изъ внутреннихъ покоевъ, обходилъ всѣхъ собравшихся и здоровался съ юнкерами. Его Императорское Величество былъ въ формѣ Павловскаго училища, въ лентѣ св. Андрея. Подойдя къ столу, гдѣ лежало новое знамя, Государь, осѣнивъ Себя крестнымъ знаменемъ, вбилъ первый гвоздь, укрѣпивъ знамя къ древку. Затѣмъ вбивали гвозди Великіе Князья Михаилъ Николаевичъ, Алексѣй Александровичъ, Павелъ Александровичъ, Константинъ Константиновичъ, Дмитрій Константиновичъ, Николай Николаевичъ и Георгій Михаиловичъ, военный министръ, за начальника военныхъ учебныхъ заведеній генералъ-лейтенантъ Якубовскій, генералъ-адъютантъ Ванновскій, генералы Рыкачевъ, Дембовскій, начальникъ училища генералъ-маіоръ Драке, всѣ офицеры училища, всѣ начальники и директора военныхъ училищъ и корпусовъ и юнкера. Послѣ прибивки знамени Государь привязалъ къ древку юбилейныя Андреевскія ленты. Знамя въ предшествіи адъютанта вынесено было изъ дворца и въ сопровожденіи знаменнаго взвода юнкеровъ перенесено въ квартиру начальника училища. Начальникъ училища имѣлъ послѣ этого счастье поднести Государю юбилейный нагрудный знакъ и жетонъ, а также составленную къ юбилею исторію училища, при чемъ представилъ Его Величеству составителей ея, генералъ-отъ-инфантеріи Анучина, генералъ-лейтенанта Петрова, штабсъ-капитана Лохвицкаго и поручика Правотворова. Въ 2 ч. 35 м. дня церемонія окончилась, и Государь, простившись со всѣми, прошелъ во внутренніе покои дворца. Въ 7 час. веч. въ церкви Павловскаго училища—всенощная и панихида по умершимъ и убіеннымъ питомцамъ. Послѣ богослуженія—концертъ съ юнкерами-исполнителями.

Къ вопросу о мирной конференціи. Лондонскія газеты сообщаютъ, что главный комитетъ международнаго паломничества друзей мира въ Петербургѣ обратился къ народамъ съ воззваніемъ, гдѣ имъ предлагается всѣми силами поддерживать предложеніе Россіи, направленное къ облегченію бремени вооруженій, и пропагандировать это предложеніе путемъ печати съ церковныхъ каѳедръ и на политическихъ сходкахъ. Прежде всего, съ этою цѣлью будутъ устраиваемы повсемѣстно въ Англіи митинги, которые выскажутъ свое полное сочувствіе русскому циркуляру отъ 12 (24) августа, будутъ настаивать на томъ, чтобы британское правительство энергично дѣйствовало въ томъ-же направленіи, и назначатъ делегатовъ въ главный національный комитетъ, на который будетъ возложено дѣло организаціи международнаго паломничества друзей мира. Въ воззваніи, между прочимъ, сказано, что «должно приложить всѣ старанія къ тому, чтобы придать возможно большую силу волѣ народа и, согласно почину Россіи, достигнуть практическихъ результатовъ».

Къ дѣлу Дрейфуса. Въ пятницу секретное dossier по дѣлу Дрейфуса было, наконецъ, доставлено кассаціонному суду генераломъ Шануаномъ, котораго сопровождалъ капитанъ Гинье. По свѣдѣніямъ «Matin», генералъ Шануанъ откомандированъ военнымъ министромъ въ распоряженіе кассаціоннаго суда, чтобы давать ему, если потребуется, объясненія относительно происхожденія различныхъ документовъ, находящихся въ dossier. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручено разъяснять судьямъ организацію и функціонированіе развѣдочнаго вѣдомства военнаго министерства, такъ чтобы они могли уяснить себѣ важность того или другого документа. Разсмотрѣніе секретнаго dossier должно продлиться долго, такъ какъ въ немъ содержится болѣе тысячи документовъ. Не всѣ они имѣютъ прямое отношеніе къ дѣлу Дрейфуса. Многіе относятся къ другимъ дѣламъ, прошедшимъ черезъ развѣдочное бюро, и пріобщены къ дѣлу только потому, что они исходятъ изъ того же источника, какъ и документы по дѣлу Дрейфуса, что позволяетъ заключить о подлинности этихъ послѣднихъ. Генералъ Шануанъ, которому извѣстны всѣ эти дѣла, будетъ указывать, какіе документы не относятся къ дѣлу Дрейфуса и какіе, напротивъ, имѣютъ главное значеніе. Обиліе документовъ объясняется слѣдующимъ образомъ. Въ началѣ dossier заключало только нѣсколько документовъ; бордеро и бумаги, служившія для сравненія, большинство которыхъ было показаны экспертамъ въ процессѣ 1894 г. Но послѣ процесса было собрано новое—секретное dossier, въ которое вошли всѣ свѣдѣнія, поступившія въ сыскное бюро до послѣдняго времени, каковы, напр., документы, прочтенные Кавеньякомъ съ палатской трибуны.

Бѣгство суданскаго халифа. Относительно бѣгства суданскаго халифа, скрывшагося неизвѣстно куда, тотчасъ-же послѣ пораженія подъ Омдурманомъ, было до сихъ поръ извѣстно очень немногое. Теперь, какъ сообщаютъ англійскія газеты, въ Каиръ прибыли главный евнухъ халифа Цохди со своими провожатыми—двумя египтянами, однимъ арабомъ и двумя евнухами. Старшій евнухъ долженъ былъ сопровождать своего повелителя повсюду, а во время сраженія, окончившагося столь плачевно для халифа, находился въ Омдурманѣ. Халифъ, какъ оказывается изъ его словъ, выставилъ противъ англичанъ всѣ свои вооруженныя силы, за исключеніемъ 12,000 чел., снабженныхъ ружьями системы Мартини. Самъ онъ расположился за отборнымъ резервомъ. Увидѣвъ, что сраженіе принимаетъ дурной оборотъ для него, онъ приказалъ резерву двинуться впередъ. Войска эти бросились на англичанъ, но были совершенно стерты съ лица земли. Тогда халифъ поспѣшно бросился въ городъ и, созвавъ шейховъ, потребовалъ, чтобы они стянули всѣ находящіяся въ ихъ распоряженіи войска для его спасенія. Однако, шейхи отвѣтили, что оставшаяся часть войска, не истребленная англичанами, совершенно измучена, и исполнить его приказъ не можетъ.

Послѣ этого халифъ отправился въ домъ своего убитаго брата и, предложивъ всѣмъ женамъ гарема слѣдовать за нимъ, отправился вмѣстѣ съ ними въ свой собственный домъ, созвалъ тамъ женщинъ своего гарема и вмѣстѣ съ ними бросился вонъ изъ Омдурмана, сопровождаемый всего только 40 солдатами.

Нападеніе на французскаго посланника въ Сіамѣ. По свѣдѣніямъ «Petit Bleu» изъ Лондона, сіамскіе солдаты напали на французскаго дипломатическаго агента въ Луангъ-Прабангѣ и стали въ него стрѣлять. Слонъ, на которомъ сидѣлъ агентъ, получилъ много ранъ, но самъ агентъ спасся, хотя и съ большимъ трудомъ. Кромѣ того, сіамскій губернаторъ въ Прапатомо, подъ предлогомъ желанія остановить туземцевъ, проникъ, вмѣстѣ съ войсками, во французско-католическую миссію, не испросивъ предварительно разрѣшенія въ посольствѣ.

Положеніе дѣлъ на о. Критѣ. Изъ Канеи сообщаютъ: Королевичъ Георгій былъ очень удивленъ внезапнымъ отъѣздомъ Сфакіанаки въ Аѳины. Увѣряютъ, что собственно никакихъ недоразумѣній между ними не произошло. Какъ бы тамъ ни было, но королевичъ послалъ Сфакіанаки телеграмму, въ которой проситъ его тотчасъ же вернуться на островъ, такъ какъ онъ, королевичъ, высоко цѣнитъ его заслуги. Разсказываютъ, между прочимъ, что Сфакіанаки остался недоволенъ тѣмъ, что королевичъ, приводя въ исполненіе свою программу примиренія, потребовалъ, чтобы въ національномъ собраніи мусульманское населеніе острова располагало числомъ депутатовъ, соотвѣтствующимъ его численности, такъ какъ Сфакіанаки держался иного мнѣнія.

Кромѣ этого инцидента, много толкуютъ объ аудіенціи, которую имѣлъ у королевича Кундонараки, одинъ изъ выдающихся борцовъ за независимость Крита. Королевичъ сказалъ Кундонараки, что по волѣ державъ должно безотлагательно созвать національное собраніе, чтобы выработать хартію, которая будетъ состоять всего изъ восьми или десяти статей. Затѣмъ на основаніи хартіи королевичъ приступитъ, по собственному почину, къ организаціи администраціи страны, а по истеченіи трехъ лѣтъ будетъ созвано правильно избранное національное собраніе для утвержденія или видоизмѣненія этой организаціи.

По свѣдѣніямъ корреспондента «Standard», имѣвшаго случай бесѣдовать съ королевичемъ, по всему видно, что королевичу хорошо извѣстны соперничества партій, но что онъ держится въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ интригъ и стремится только къ исполненію своего долга. Королевичъ исполненъ рѣшимости не гнаться за популярностью и назначить на различные посты лишь такихъ людей, которые достойны занимать ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Королевичъ присовокупилъ: «Я превращу весь островъ въ казармы, если это потребуется, но справедливость должна восторжествовать».

Тѣмъ временемъ среди населенія Канеи все еще господствуетъ энтузіазмъ: Жители города по-прежнему исполнены глубокой признательности къ четыремъ державамъ, окончательно освободившимъ островъ отъ турецкаго ига. Въ честь адмираловъ рѣшено переименовать четыре улицы Канеи въ улицы адмираловъ Беттоло, Ноэля, Скрыдлова и Нотье, а пятой улицѣ присвоить наименованіе «улицы Каневаро», который оказалъ Криту такъ много услугъ сначала въ качествѣ начальника италіанской эскадры, а потомъ и италіанскаго министра иностранныхъ дѣлъ.

Индійскій національный конгрессъ собрался въ нынѣшнемъ году въ Мадрасѣ, гдѣ открылъ свои засѣданія 28 декабря. Въ этомъ засѣданіи нѣкто г. Бозъ сильно порицалъ калькуттскій муниципальный билль, уничтожающій всѣ принципы мѣстнаго самоуправленія. Г. Бозъ обращается къ новому вице-королю съ приглашеніемъ не допускать, чтобы этотъ билль получилъ силу закона. Онъ требовалъ также представительства въ законодательныхъ и мѣстныхъ правительственныхъ исполнительныхъ совѣтахъ для туземнаго населенія Индіи. Между тѣмъ въ настоящее время отъ 200,000,000 населенія Индіи нѣтъ въ поименованныхъ совѣтахъ ни одного представителя.

Пріемъ русской депутаціи въ Бухарестѣ. 15 декабря въ Бухарестѣ состоялся парадный обѣдъ въ честь депутаціи Вологодскаго пѣхотнаго полка, шефомъ котораго состоитъ король Карлъ Румынскій. Депутація поднесла королю эполеты съ вензелемъ короля Карла, которыя Государь Императоръ соизволилъ пожаловать Вологодскому полку. На парадномъ обѣдѣ король Карлъ произнесъ слѣдующій тостъ: «Привѣтствую депутацію моего русскаго полка съ тѣмъ большею радостью, что я имѣлъ счастье командовать храбрыми вологодцами на полѣ брани и вести ихъ къ побѣдѣ. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 20 лѣтъ; но этотъ продолжительный промежутокъ времени нисколько не ослабилъ военнаго побратимства между нашею и русскою арміями, которое Государю Императору угодно было торжественно подтвердить, назначивъ меня шефомъ полка, подвизавшагося за одно съ моими войсками подъ убійственнымъ огнемъ укрѣпленій Плевны. Оставимъ теперь въ сторонѣ поля битвъ и обратимъ наши взоры къ Невѣ, гдѣ восходитъ утренняя заря мира, блага котораго будутъ дарованы народамъ на возможно долгое время. Въ настоящее время мысли мои витаютъ тамъ, и во мнѣ оживаютъ воспоминанія о моемъ прекрасномъ путешествіи въ Россію. Сердечный пріемъ, оказанный мнѣ Государемъ Императоромъ, вызвалъ радостный откликъ во всей Румыніи, которая солидарна со мною въ моемъ желаніи не только сохранить существующія дружественныя отношенія съ Россіей, но развить ихъ и придать имъ еще болѣе интимный характеръ. За одно со всѣмъ моимъ народомъ я желаю Его Величеству всѣхъ благъ и долгаго славнаго царствованія. Глубоко тронутый новымъ доказательствомъ дружбы со стороны Императора Николая, приславшаго мнѣ эполеты съ моимъ вензелемъ, поднимаю бокалъ въ честь моего храбраго полка; желаю ему новыхъ военныхъ лавровъ, пью за здоровье Верховнаго Вождя храброй русской арміи, Его Величества Императора Николая Да здравствуютъ Ихъ Императорскія Величества, Императоръ и Императрица Россійскіе!»

—Балъ Кіевскаго **яхтъ-клуба** назначенъ въ текущемъ сезонѣ на 16 января 1899 г. въ залѣ купеческаго собранія.

—**Водопроводный съѣздъ.** Въ Одесскомъ гор. общ. управленіи получено, по словамъ «Од. Л.», увѣдомленіе, что министръ внутреннихъ дѣлъ разрѣшилъ созвать въ Одессѣ 4 съѣздъ дѣятелей по водопроводному дѣлу. Съѣздъ назначенъ на апрѣль 1899 года.

—**Пожертвованія.** Въ редакцію «Кіевлянина» вновь поступили пожертвованія въ пользу бѣдствующихъ семействъ, живущихъ на Нижней Юрковицѣ, въ домѣ Чеберяка, № 23, отъ неизвѣстнаго 1 р., неизвѣстной 3 р., неизвѣстнаго 3 р., дѣтей 3—1 р., С. О. 2 р., всего съ прежними 103 р.

Въ пользу дѣтей Дубининыхъ отъ неизвѣстнаго 1 р., неизвѣстной 1 р., дѣтей 3—1 р., В. и Ф. 5 р., и неизвѣстнаго 1 р., всего съ прежними 19 р.

—Совѣтъ Кіевскаго отдѣленія попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ приноситъ глубочайшую благодарность г-жѣ А. Епифановой за пожертвованные ею въ память покойнаго мужа ея И. М. Епифанова сто рублей, препровожденные Кіевскому отдѣленію попечительства о слѣпыхъ редакціею „Кіевлянина".

—**Пожаръ.** 24 декабря, въ 4 часа дня, по Госпитальному переулку, въ усадьбѣ № 5 кол. сов. Константина Чеплѣевскаго вспыхнулъ пожаръ. Огонь показался въ деревянномъ крытомъ желѣзомъ сараѣ, въ которомъ было 3 саж. пиленныхъ дровъ и разныя домашнія вещи, вынесенныя изъ дома на время предпраздничной уборки комнатъ. Все это сгорѣло. Пожаръ распространился также на сосѣднюю усадьбу № 3 кр. Антона Коржова, у котораго сгорѣлъ небольшой деревянный навѣсъ подъ погребомъ. Обѣ усадьбы застрахованы. Пожаръ, какъ полагаютъ, произошелъ отъ сложенныхъ въ сараѣ углей.

—**Прибыли** 24 декабря: изъ Петербурга—с. с. В. Н. Сахновскій—ост. на Алексѣев., д. № 16, изъ Проскурова—ген.-лейт. Д. И. Орловъ, С. В. Шведе, В. В. Прухницкій, З. Н. Орлова, Б. Шило, Ф. Мендель, Э. Мендель, Г. Шалитъ, М. Шалитъ, П. Шалитъ—остановились въ гостинницѣ Грандъ-Отель.

Выбыли 24 декабря: д. с. с. С. И. Руденко—въ Крымъ, предвод. двор. А. А. Раковичъ—въ Козелецъ, д. с. с. В. В. Фрейгангъ—въ Петербургъ, графъ І. О. Тышкевичъ—въ Минскъ, греческ. консулъ Н. Грипари—въ Полоцкъ.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.

Искъ объ увѣчьи.

10 декабря слушалось, по словамъ „Нов.", въ гражданскомъ департаментѣ Сената слѣдующее дѣло: 8 іюля 1893 года воспитатель и преподаватель Владимірскаго кадетскаго корпуса, капитанъ Александръ Гизе, ѣхавшій изъ Кіева на дачу съ курьерскимъ поѣздомъ на ст. Боярка, Юго-Западныхъ жел. дорогъ (нынѣ перешедшихъ въ казну), передъ вторымъ отъ конца со стороны Одессы фонарнымъ рельсовымъ столбомъ, спрыгнулъ съ поѣзда, во время замедленія его хода, и, ударившись лѣвою стороною лба о фонарный столбъ, былъ, вслѣдствіе этого удара, отброшенъ подъ вагонъ желѣзной дороги. Послѣдствіемъ этого были потеря имъ правой руки и поврежденія въ передней части головы, отнесенныя свѣдущими людьми къ разряду тяжкихъ увѣчій, ограничивающихъ способность Гизе къ труду въ настоящемъ и могущихъ въ будущемъ причинить ему тяжкія болѣзни.

Объяснивъ, что, вслѣдствіе случившагося съ нимъ несчастія, онъ лишенъ возможности продолжать свои обычныя занятія, которыя доставляли ему средства къ существованію и что причиною этого несчастія слѣдуетъ (независимо отъ его собственной вины) признать то обстоятельство, что у платформы ст. Боярка находился фонарный столбъ, который, въ видахъ предосторожности, не долженъ былъ тамъ быть, —Гизе предъявилъ въ Кіевскомъ окружномъ судѣ къ обществу Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ искъ о вознагражденіи его за увѣчье въ суммѣ 15,000 рублей. Судъ удовлетворилъ это исковое требованіе. Кіевская же судебная палата отказала въ этомъ искѣ, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что причиною несчастія Гизе—его собственная вина. На это рѣшеніе палаты Гизе принесъ въ Сенатъ кассаціонную жалобу, которую въ засѣданіи Сената поддерживалъ присяжный повѣренный А. О. Гордонъ.

Подробно разобравъ все рѣшеніе палаты, Гордонъ доказывалъ, что оно исполнено внутреннихъ противорѣчій и нелогичности, и потому подлежитъ отмѣнѣ по нарушенію ст. 711 уст. гражд. суд.

„Мы отнюдь не отрицаемъ,—сказалъ Гордонъ, —что, соскочивъ на ходу съ поѣзда, Гизе поступилъ крайне неосторожно. Но мы утверждаемъ, что и со стороны желѣзной дороги допущено важное упущеніе, которое имѣло рѣшающее значеніе при случившемся съ Гизе несчастіи. Упущеніе это заключалось въ томъ, что у платформы ст. Боярка находился фонарный столбъ, который не долженъ былъ тамъ стоять. Только вслѣдствіе удара о фонарный столбъ Гизе былъ отброшенъ подъ вагонъ желѣзной дороги. Мы утверждаемъ, что, не будь этого фонарнаго столба, Гизе или вовсе устоялъ бы на ногахъ (каковую возможность признали два эксперта), или-же, если-бы онъ потерпѣлъ ущербъ, то не въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ, какъ причиненное ему увѣчье. Палата говоритъ, что причина случившагося съ Гизе несчастія—исключительно его прыжокъ изъ вагона; ударъ-же о фонарный столбъ—случайность, за которую желѣзная дорога не подлежитъ отвѣтственности. Этотъ взглядъ палаты, по мнѣнію г. Гордона, долженъ быть признанъ вполнѣ ошибочнымъ. Отвѣтственность желѣзной дороги за случайность составляетъ одно изъ основныхъ понятій желѣзнодорожнаго права, которое, безспорно, признается во всей Европѣ и въ Америкѣ. Это начало признается и сенатомъ. Желѣзная дорога освобождается отъ отвѣтственности лишь при существованіи непреодолимой силы (vis maior, force majeure). Но непреодолимая сила—нѣчто исключительное, необычайное, экстраординарное, которое не имѣетъ ничего общаго съ обыденными случайностями".

Сенатъ, вопреки заключенію товарища оберъ-прокурора, предлагавшаго оставить жалобу Гизе безъ послѣдствій, отмѣнилъ рѣшеніе палаты.

Изъ ЛЕТИЧЕВСКАГО УѢЗДА, Подольской губ., „Юж. Кр." пишетъ: Ужасная семейная драма разыгралась на дняхъ въ с. Требуховцахъ, Летичевскаго уѣзда. Проживала въ этомъ селѣ крестьянская семья Д., состоявшая изъ стариков родителей и ихъ взрослаго сына. Недавно сынъ этотъ женился на крестьянской дѣвушкѣ Гликеріи и послѣдняя перешла на жительство къ роднымъ мужа. Первое время молодая парочка жила себѣ спокойно и въ семьѣ не происходило никакихъ ссоръ, но вотъ, между молодой Гликеріей и старухой-свекровью пробѣжала черная кошка и жизнь въ семьѣ измѣнилась къ худшему. Съ перваго же дня вступленія въ новую семью, невѣстка Г. стала прибирать все къ своимъ рукамъ и, въ короткое время, сдѣлалась полновластной въ домѣ хозяйкой. Это не понравилось свекрови и послужило причиной постоянныхъ дрязгъ. Тихая досель жизнь въ домѣ превратилась положительно въ адъ. Почти ежедневно между свекровью и невѣсткой происходили ссоры, доходившія нерѣдко до драки, и борьбѣ не предвидѣлось конца. Старуха изыскивала все новыя средства для отомщенія своей невѣсткѣ и старалась всѣми силами поссорить ее съ мужемъ и пріобрѣсти союзника въ лицѣ сына. Такъ велось довольно продолжительное время, и положеніе невѣстки въ домѣ стало крайне тяжелымъ. Не будучи въ состояніи дальше терпѣть отъ злой свекрови, Гликерія вздумала совершенно избавиться отъ врага. Мысль объ убійствѣ свекрови все больше и больше укоренялась въ головѣ невѣстки и, наконецъ, была ею приведена въ исполненіе. Нѣсколько дней тому назадъ Гликерія отправилась къ своей доброй знакомой, крестьянкѣ А. Ш., которая издавна питала злобу къ старухѣ и, разсказавъ ей о своемъ несчастномъ житьѣ въ домѣ, попросила совѣта. Ш. сказала, что единственный путь избавиться отъ ненавистной свекрови—это убить ее и предложила себя въ помощницы для приведенія этого совѣта въ исполненіе. Такъ какъ мысль объ убійствѣ свекрови уже давно пришла на умъ Гликеріи, то предложеніе Ш. было ею принято съ удовольствіемъ. Условившись съ компаніонкой о времени и мѣстѣ приведенія въ исполненіе злодѣянія, Гликерія ушла домой. На другой день Ш. пришла въ домъ старухи, предупрежденная предварительно, что никого нѣтъ тамъ, вызвала свекровь на ссору и, не долго думая, набросила на шею старухи веревку и начала душить свою жертву. Убѣдившись, что она сама ничего не сдѣлаетъ, Ш. пригласила на помощь Гликерію и обѣ женщины стали тянуть за концы веревку въ разныя стороны. Когда старуха была, наконецъ, удушена такимъ образомъ, то женщины-убійцы, чтобы скрыть слѣды преступленія, затянули трупъ убитой въ другую пустую половину дома и тамъ повѣсили. Кто-то изъ прохожихъ замѣтилъ висѣвшую на веревкѣ старуху и она была немедленно освобождена изъ петли, но она оказалась уже бездыханнымъ трупомъ. Сначала думали, что старуха дѣйствительно повѣсилась, но затѣмъ стали носиться слухи объ убійствѣ ее невѣсткой. Послѣдняя, какъ заподозрѣнная, была привлечена къ допросу. Она во всемъ созналась и выдала свою компаніонку. Обѣ женщины заключены подъ стражу и дѣло передано слѣдственной власти.

ТЕЛЕГРАММЫ

От специальныхъ корреспондентовъ.

ПЕТЕРБУРГЪ, 24 декабря. Иностранныя газеты говорятъ, что на Филиппинахъ готовятся важныя событія. Передаютъ, что вождь инсургентовъ Агвинальдо открылъ наступательныя дѣйствія противъ американцевъ. Въ Нью-Іоркѣ ожидаютъ отправки войскъ въ Манилу.

По свѣдѣніямъ берлинскихъ газетъ, графъ Гербертъ Бисмаркъ переселяется въ Берлинъ. Ходятъ слухи о предстоящемъ примиреніи графа Герберта Бисмарка съ императоромъ Вильгельмомъ.

Двѣ тысячи турокъ покинули о. Критъ.

Изъ Рима сообщаютъ, что отданъ приказъ объ отправкѣ войскъ въ Африку. Въ виду грозныхъ событій, Италія вооружаетъ войска въ Эритреѣ, хотя надѣется уладить недоразумѣнія съ Менеликомъ.

По извѣстіямъ изъ Парижа, во Франціи усиливается движеніе въ пользу пересмотра конституціи.

Кассаціоннымъ судомъ при разсмотрѣніи документовъ, находящихся въ секретномъ dossier по дѣлу Дрейфуса, обнаружены новыя фальсификаціи.

Эстергази на 12 января вызывается для дачи показаній въ кассаціонномъ судѣ. Полагаютъ, что приговоръ кассаціоннаго суда состоится въ январѣ. Ожидаютъ оправданія Дрейфуса.

Французское правительство рѣшило потребовать отъ Англіи выдачи Эмиля Зола.

Въ Миланѣ свирѣпствуютъ бури. Произошло много несчастій съ кораблями на побережьи Средиземнаго моря.

Имѣлъ счастье представляться Его Величеству Государю Императору директоръ Полтавскаго-Петровскаго кадетскаго корпуса генералъ-маіоръ Потоцкій.

Командиръ 28-й артиллерійской бригады генералъ-маіоръ Бедо назначенъ помощникомъ начальника артиллеріи Кіевскаго военнаго округа.

Опубликовано о разрѣшеніи обществу пароходства по Днѣпру и его притокамъ выпустить облигаціи на 500 тысячъ рублей.

Кандидатами на Петербургскую митрополію называютъ высокопреосвященныхъ: Антонія, архіепископа Финляндскаго, экзарха Грузіи Флавіана и Іеронима, архіепископа Холмскаго и Варшавскаго.

Въ виду недостатка подвижного состава на желѣзныхъ дорогахъ, пониженіе тарифа на короткихъ разстояніяхъ откладывается на неопредѣленное время. Предполагается отмѣнить обратные абонементные билеты.

Начальникъ Кіево-Фундуклеевской и Подольской женскихъ гимназій Д. А. Синицкій ходатайствуетъ о значительномъ расширеніи Подольской женской гимназіи.

Въ петербургскую думу вносится докладъ управы о милліонномъ займѣ на постройку городскихъ училищъ.

Въ Петербургѣ третьи сутки вьюга. Поѣзда опаздываютъ.

По извѣстіямъ изъ Симферополя, на Южномъ берегу Крыма весенняя погода, цвѣтутъ полевые цвѣты. Днѣпръ въ Таврической губерніи очистился отъ льда. Навигація возобновилась.

Въ Государственный Совѣтъ внесенъ проектъ о наслѣдственныхъ правахъ незаконнорожденныхъ, выработанный коммисіей по составленію гражданскаго уложенія. Проектъ признаетъ незаконнорожденныхъ по отношенію къ незамужней матери прямыми ея наслѣдниками. Въ случаѣ признанія холостымъ отцомъ незаконнорожденнаго, послѣдній получаетъ право на имя отца и признается наслѣдникомъ имущества отца въ половинной долѣ. При замужней матери и женатомъ отцѣ положеніе незаконнорожденныхъ мало измѣняется противъ нынѣшняго.

От Россійскаго Телеграфнаго Агентства.

24-го декабря.

ПЕТЕРБУРГЪ. 23 декабря состоялся въ манежѣ Инженернаго замка въ Высочайшемъ Государя Императора присутствіи церковный парадъ батальону Павловскаго военнаго училища по случаю столѣтняго юбилея, и освященія вновь жалуемаго училищу знамени. По окончаніи богослуженія Государь Императоръ съ Великими Князьями сопровождалъ протопресвитера, который обошелъ ряды юнкеровъ, окропивъ ихъ святой водой. По обходѣ Его Величество вернулся къ аналою. Всѣ офицеры и юнкера училища подняли правыя руки и стали повторять въ полголоса слова присяги, которую громко и внятно читалъ протоіерей Вознесенскій, стоя предъ знаменемъ.

САМАРА. На товарной станціи „Самара" убиты конторщикъ и сторожъ. Похищено изъ несгораемаго шкафа десять тысячъ рублей.

КАНЕЯ. Христіане въ Апокоронѣ сдали три тысячи ружей. Созывъ національнаго критскаго собранія состоится позже установленнаго срока. Королевичъ Георгій совѣщался съ довѣренными людьми и греческимъ консуломъ въ Салоникахъ Пападіамандопулосомъ и Сафакіанакисомъ.

КЕЛЬНЪ. „Кельнская Газета" воспроизводитъ полученное изъ Амоя извѣстіе, что десять членовъ тамошней китайской гильдіи, вслѣдствіе постоянныхъ вымогательствъ со стороны мандариновъ, сдѣлали попытку перейти въ германское подданство. Они обратились къ германскому консулу съ просьбой прибить къ своимъ домамъ доски съ надписями „германскіе купцы" и поставить себя подъ покровительство Германской имперіи. Консулъ, какъ говорятъ, обѣщался передать дѣло на разсмотрѣніе своего правительства.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ.

—Петербургскій «Kraj» сообщаетъ, что выработанный Минскимъ сельско-хозяйственнымъ обществомъ проектъ увеличенія производства малыхъ винокуренныхъ заводовъ съ 20 до 50 тыс. градусовъ спирта препровожденъ министромъ земледѣлія министру финансовъ при благопріятномъ отзывѣ.

—Возбужденный профессоромъ С.-Петербургскаго университета В. Д. Смирновымъ и встрѣченный весьма сочувственно совѣтомъ университета вопросъ объ устройствѣ школы на средства университета для дѣтей университетскихъ служителей находится въ періодѣ дѣятельной разработки. Въ настоящее время въ семействахъ университетскихъ служителей уже произведена регистрація дѣтей, которыхъ оказалось до 100 человѣкъ. Школа будетъ предназначена также для дѣтей служителей Императорской Академіи Наукъ и историко-филологическаго института, въ которыхъ также будетъ произведена регистрація дѣтскаго населенія, съ пособіями на школу отъ этихъ учрежденій. Открыть школу предполагается съ будущаго учебнаго года.

—По вычисленію Главнаго управленія почтъ и телеграфовъ, въ будущемъ году почтовый доходъ достигнетъ 28 милліоновъ рублей, а телеграфный и телефонный доходы до 18 милліоновъ рублей.

—Крупные представители мануфактурной промышленности вошли въ подлежащія сферы съ ходатайствомъ о разрѣшеніи имъ созвать съѣздъ для обсужденія нуждъ мануфактурной промышленности.

—Въ Министерствѣ Путей Сообщенія возбужденъ вопросъ о томъ, чтобы лица, поступающія на службу по подвижному составу русскихъ желѣзныхъ дорогъ, подвергались испытанію по общеобразовательнымъ предметамъ. Вопросъ этотъ вносится на разсмотрѣніе предстоящаго съѣзда инженеровъ подвижного состава русской рельсовой сѣти; кромѣ того, этому съѣзду предложено министерствомъ выработать и программу этихъ испытаній.

—Комиссія по надзору за положеніемъ малолѣтнихъ учениковъ и рабочихъ въ торгово-промышленныхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ столицы возбудила, по словамъ столичныхъ газетъ, вопросъ о созывѣ въ Петербургѣ съѣзда представителей благотворительныхъ обществъ, заинтересованныхъ призрѣніемъ и устройствомъ бѣдныхъ дѣтей, для обсужденія вопроса объ устройствѣ въ столицѣ на общія средства центральнаго ремесленнаго заведенія, въ которомъ бы можно было помѣщать призрѣваемыхъ благотворительными обществами дѣтей, взамѣнъ практикуемой нынѣ отдачи ихъ разнымъ ремесленникамъ хозяевамъ мастерскихъ.

—Проектируется съ будущаго года увеличить на 50%, противъ нормальныхъ въ Европейской Россіи окладовъ, окладъ содержанія почтово-телеграфныхъ чиновниковъ и нижнихъ служителей въ Забайкальскомъ и Пріамурскомъ почтово-телеграфныхъ округахъ.

—Химическое отдѣленіе общества любителей естествознанія въ Москвѣ возбуждаетъ вопросъ о чествованіи полуторастолѣтняго юбилея со времени учрежденія въ Россіи первой химической лабораторіи. Основателемъ ея былъ Ломоносовъ.

—Въ будущемъ году Министерство Внутреннихъ дѣлъ выдастъ изъ общаго по имперіи продовольственнаго капитала два милліона рублей на чрезвычайныя пособія для обсѣмененія полей и продовольствіе по тѣмъ губерніямъ, по которымъ будутъ израсходованы мѣстныя продовольственныя средства; 200 тысячъ рублей на чрезвычайныя пособія для покрытія пожарныхъ убытковъ по тѣмъ губерніямъ, по которымъ мѣстныя средства окажутся недостаточными, и 100 тысячъ рублей въ уплату долга казнѣ по пожарнымъ вознагражденіямъ, выданнымъ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ.

—Въ техническомъ мірѣ поднятъ вопросъ объ ознакомленіи русской молодежи, обучающейся въ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ техническими особенностями сооруженій на предстоящей парижской выставкѣ 1900 года. Съ этою цѣлью предполагается лѣтомъ командировать въ Парижъ цѣлую группу студентовъ.

—«Нов.» сообщаютъ, что коммерческую службу на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ рѣшено слить со службою эксплоатаціи.

—Международное общество спальныхъ вагоновъ заказало совершенно новаго типа спальные вагоны, а также вагоны-рестораны. Какъ тѣ, такъ и другіе будутъ гораздо комфортабельнѣе существующихъ. Принято во вниманіе, чтобы было достаточное содержаніе воздуха для каждаго пассажира, а вагоны-рестораны имѣли-бы усовершенствованную вентиляцію и холодильники для провизіи, такъ какъ въ настоящее время признано, что передѣланные изъ вагоновъ 3 класса вагоны-рестораны не оправдываютъ своего назначенія, а именно очень тряски, безъ надлежащей вентиляціи и необходимыхъ холодильниковъ для провизіи и проч. Усовершенствованные вагоны предполагается пустить въ обращеніе съ новаго года: на Курской, Нижегородской, Брестской и Николаевской желѣзныхъ дорогахъ.

—Проектируется усилить штаты кассаціонныхъ департаментовъ Сената.

—Открытіе новаго Асхабадскаго окружного суда послѣдуетъ 1 мая будущаго года. Одновременно начнутъ свою дѣятельность въ Закаспійской области мировые судьи.

—Съ цѣлью составленія навигаціонной карты рѣки Амура отъ Покровской до Хабаровска, а также карты Нижняго Амура, производятся изслѣдованія этой рѣки.

—Въ кустарномъ комитетѣ при Министерствѣ Земледѣлія возникъ вопросъ объ устройствѣ въ Тулѣ школы по гармонному дѣлу.

—Министерство Финансовъ учреждаетъ 39 должностей фабричныхъ инспекторовъ съ окладомъ въ 3,000 р., 20 должностей съ окладомъ въ 3,250 и 21 должность съ окладомъ въ 3,500 руб.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

——**Проектъ санаторіи для чахоточныхъ.** Варшавскій городской совѣтъ общественнаго призрѣнія, по предложенію варшавскаго вице-губернатора графа Палена, постановилъ открыть въ окрестностяхъ Варшавы санаторію для больныхъ чахоткою. Для осуществленія проекта избрана особая комиссія.

——**Мнимая смерть.** Одинъ изъ земледѣльцевъ Харьковской губерніи Н—новъ, благодаря исключительной случайности, лишился значительной части своего благопріобрѣтеннаго имущества. Самъ Н—новъ—человѣкъ уже не молодой и одинокій. Въ концѣ прошлаго года онъ, сдѣлавъ у себя по имѣнію извѣстнаго рода распоряженія, по словамъ «Южн. Кр.», отправился за границу. Прикащику своему Н—новъ заявилъ, что возвратится домой не ранѣе какъ черезъ годъ. Не прошло, однако, и двухъ мѣсяцевъ, какъ изъ Одессы получено было извѣщеніе о томъ, что Н—новъ скончался въ одной изъ тамошнихъ гостиницъ отъ остраго воспаленія легкихъ. У Н—нова въ Харьковѣ проживали два родныхъ брата, которые и не замедлили заявить свои права на наслѣдство умершаго. Вскорѣ всѣ формальности были устранены и Н—вы вступили во владѣніе имуществомъ своего покойнаго брата. Новые наслѣдники при этомъ сочли для себя болѣе удобнымъ продать болѣе половины полученной ими земли и угодій. Они расчитывали подвергнуть той-же участи и остальную часть наслѣдства, какъ вдругъ неждинно-негаданно является ихъ старшій братъ, владѣлецъ имѣнія, который считался умершимъ... Недоразумѣніе разъяснилось: у Н—нова въ Александріи украденъ былъ сакъ-вояжъ съ частью вещей и бумагъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и его паспортъ. Очевидно, воръ явился въ Одессу съ этимъ паспортомъ и тамъ умеръ подъ фамиліей Н—нова. Не мало труда и хлопотъ стоило Н—нову закрѣпить за собою формальнымъ порядкомъ уцѣлѣвшую часть своего имущества.

——**Страшный багажъ.** 19 декабря, на станціи «Москва», Московско-Казанской желѣзной дороги, къ сторожу, стоявшему у дверей залы III класса, какъ передаетъ «Моск. Лист.», подошелъ изящно одѣтый господинъ. «Возьми, пожалуйста, мой багажъ,—сказалъ пассажиръ,—а я пойду въ буфетъ». «Слушаю-съ»,—отвѣтилъ сторожъ. «Только, пожалуйста, поакуратнѣе, я сейчасъ вернусь»... Сторожъ взялъ отъ неизвѣстнаго небольшой свертокъ, а пассажиръ направился въ буфетъ 1 класса и затѣмъ скрылся. Между тѣмъ раздался третій звонокъ; сторожъ, полагая, что пассажиръ забылъ свой багажъ, заявилъ о томъ по начальству. Оказалось, что свертокъ состоялъ изъ платка и одѣяла, въ которомъ былъ завернутъ трупъ младенца женскаго пола, около недѣли отъ рожденія. Трупъ помѣстили въ часовню при мѣщанскомъ полицейскомъ домѣ.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Испанія. Испанская печать съ нескрываемою радостью обсуждаетъ послѣдствія избранія филиппинскими инсургентами народнаго правительства, которое стало во главѣ только что провозглашенной Агвинальдомъ независимой Филиппинской республики. Первое министерство никѣмъ не признанной еще республики состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: Мобини — министръ иностранныхъ дѣлъ, Араве—министръ внутреннихъ дѣлъ, Мони—военный и Буенкамино—торговли и сельскаго хозяйства. Кабинетъ министровъ обязался подъ присягою отстаивать независимость республики до послѣдней капли крови.

Китай. Въ «Пекинской газетѣ» напечатана записка кантонскаго вице-короля, въ которой онъ сообщаетъ, что въ бумагахъ Канга Ю-Вея онъ нашелъ неопровержимыя доказательства его измѣны, а также документы, компрометирующіе многихъ другихъ лицъ. Изъ этихъ документовъ видно, что Кангъ мечталъ сдѣлаться президентомъ Китая. На основаніи декрета помилованія всѣ эти документы сожжены.

Африка. По свѣдѣніямъ римской «Tribuna» изъ Массовы, въ областяхъ Шоа, Тигре и Годжамъ происходитъ въ настоящее время сильное волненіе, являющееся слѣдствіемъ возстанія раса Мангаши. Менеликъ, узнавъ, что король Годжама вооружаетъ своихъ подданныхъ, отложилъ свой походъ и, ввѣривъ командованіе ядромъ абиссинскихъ силъ расу Маконену, отправился въ Цибеди, въ центръ Абиссиніи, съ цѣлью выждать тамъ дальнѣйшихъ событій. Шоанскія военныя силы раздѣлены теперь на 4 корпуса. Главный корпусъ, насчитывающій 40.000 человѣкъ, идетъ подъ начальствомъ Маконена на Тигре по озеру Ашаншъ. Второй корпусъ, насчитывающій 15,000 человѣкъ, сосредоточенъ въ Энсіатибѣ, откуда попытается дойти до Аксума. Третій корпусъ, подъ начальствомъ Атичейна, расположенъ на Амбурѣ, по дорогѣ между Селлою и Метеммехомъ. Наконецъ, четвертый, командуемый Менеликомъ, сосредоточивается въ Цебедѣ съ цѣлью поддерживать прочіе корпусы и двинуться на Годжамъ, въ которомъ волнуется племя теклатъ-амонотъ. Что касается раса Мангаши, то аванпосты его уже заняли огромные проходы Амба-Аладжи.

Голландія. Либеральная партія въ Голландіи намѣревается представить на разсмотрѣніе палаты законопроектъ, предписывающій обязательное среднее образованіе. Противъ этого постановленія возстали евреи,—не всѣ, впрочемъ, а только часть ихъ во главѣ съ амстердамскимъ великимъ раввиномъ. Между этимъ послѣднимъ и великимъ раввиномъ провинціи Местрихтъ завязалась весьма оживленная полемика. Амстердамскій раввинъ разослалъ своимъ амстердамскимъ единовѣрцамъ циркуляръ, въ которомъ приглашаетъ ихъ оказать ему нравственную и матеріальную поддержку въ борьбѣ противъ введенія обязательнаго средняго образованія и требуетъ учрежденія свободныхъ еврейскихъ профессіональныхъ школъ. Его местрихтскій коллега вполнѣ раздѣляетъ, однако, взгляды правительства и открыто заявилъ себя сторонникомъ обязательнаго средняго образованія въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Раввины нѣкоторыхъ большихъ голландскихъ городовъ стали на сторону амстердамскаго раввина и отнеслись весьма сочувственно къ проекту учрежденія профессіональныхъ школъ для каждаго вѣроисповѣданія. Нужно замѣтить, что за послѣднее время въ Голландіи появилось множество католическихъ и протестантскихъ школъ, что ясно указываетъ на несостоятельность существующихъ учебныхъ заведеній для дѣтей безъ различія вѣроисповѣданія. Родители учащихся неоднократно высказывали неудовольствіе по поводу преподаванія въ названныхъ школахъ, гдѣ многіе учителя открыто проповѣдуютъ соціалистскіе взгляды и прививаютъ ученикамъ не только антирелигіозныя, но и антиправительственныя воззрѣнія. Недавно въ Дортрехтѣ появилась новая газета съ яркимъ соціалистскимъ направленіемъ «Recht voor Allen», редактируемая однимъ изъ преподавателей городской правительственной гимназіи.

СМѢСЬ.

Музей въ воспоминаніе объ осадѣ Парижа. Въ парижскомъ музеѣ „Carnavalet" устраивается въ настоящее время нѣсколько залъ съ предметами, напоминающими объ осадѣ Парижа и слѣдующей за ней коммуной (1870—71 г.). Парижскіе художники украшаютъ стѣны картинами изъ того времени. Въ витринахъ будутъ выставлены разныя газеты, каррикатуры, множество трубокъ съ изображеніями знаменитыхъ людей того времени. Въ отдѣльной витринѣ будутъ помѣщены меню ресторановъ и счеты, выставлявшіеся мясниками отъ декабря 1870 г. до заключенія перемирія. 15 декабря еще можно было получить хорошее кушанье, но порціи были уже очень дороги: такъ, напримѣръ, порція жаркого стоила 4 франка, тушеный заяцъ 3 франка, горошекъ 2 франка, четверть пулярки 7 франковъ. 20 декабря на карточкахъ меню уже появляются необыкновенные сорта мяса за самыя дорогія цѣны. Такъ, порція тушенаго лошадинаго мяса стоитъ 6 франковъ, конячье рагу съ кореньями 5 франковъ, ослиная котлета 3 франка. Затѣмъ цѣны все продолжаютъ подниматься. Въ началѣ января кошка уже стоитъ 8 франковъ, ослиный антрекотъ 7 франковъ и жирная крыса 6 франковъ.

СПРАВОЧНЫЙ ЛИСТОКЪ.

Недоставленныя телеграммы за 23 декабря: Абрикосову изъ Чернятина, Берману—Умани, Вейнраубу—Петербурга, Волочениннову—Wien, Ганзенъ—Москвы, М. Гершгоринъ—Житомира, графу Гижицкому—Петербурга, Горштейну—Петербурга, Двораковской—Уфы ж. д., Заболотному—Петербурга, Забысотной—Праги Тер. ж. д., М. Кохъ—Бендеръ, А. Кравчеку—Одессы, Михновскому—Лодзи, Тарковскому—Чернигова, Тафту—Москвы, Б. М. Фуксу—Петербурга, Щетинину—Симферополя, Герасимову—Ольгинской (сл. изв.), Гнилинскому—Варшавы (сл. изв.), Рубинскому—Мурованыхъ Кур. (сл. изв.), Садовскому—Фастова (сл. изв.).

Ночныя врачебныя дежурства въ городскомъ домѣ на Крещатикѣ. Отъ 9 ч. веч. до 7 ч. утра. Пятница, 25 декабря, д-ръ Добрачинскій.

РАСПИСАНІЕ ДВИЖЕНІЯ ПОѢЗДОВЪ.

(Съ 15-го октября).

	№ поѣзда	Отходъ изъ Кіева.	№ поѣзда	Приходъ въ Кіевъ.
По Юго-Запад. жел. д.				
Курьер. I и II кл. На Яссы, Бухарестъ, Одессу, Бендеры, Кишиневъ, Унгени, Рени, Елисаветградъ, Екатеринославъ, Севастополь, Рыбницу, Бѣльцы.	1	8 ч. 15 в.	2	9 ч. 41 у.
Курьер. bis, I и II На Варшаву, Берлинъ, Гамбургъ, Парижъ, Кенигсбергъ, Вильну, Петербургъ, Бердичевъ и Луцкъ.	1 bis	7 ч. 23 в.	2 bis	11 ч. 21 у.
Скорый I, II и III кл. На Львовъ, Краковъ, Вѣну, Вильну, Петербургъ, Екатеринославъ, Дубно, Кременецъ, Одессу, Гайсинъ, Умань, Цвѣтково, Тростянецъ-Подольскій, Радзивиловъ, Волочискъ и Елисаветградъ.	7	9 ч. 00 в.	8	10 ч. 50 у.
Почтов. I, II и III кл. На Варшаву, Берлинъ, Гамбургъ, Данцигъ, Черновцы, Яссы, Бухарестъ, Кенигсбергъ, Вильну, Петербургъ, Екатеринославъ, Севастополь, Одессу, Кишиневъ, Рени, Унгени, Рыбницу, Бѣльцы, Могилевъ, Окницу, Умань, Луцкъ, Брестъ, Бѣлостокъ, Граево и Новоселицы.	3	9 ч. 00 у.	4	9 ч. 7 в.
Пассаж. I, II и III кл. На Варшаву, Берлинъ, Гамбургъ, Данцигъ, Черновцы, Львовъ, Краковъ, Вѣну, Кенигсбергъ, Вильну, Петербургъ, Екатеринославъ, Севастополь, Одессу, Кишиневъ (I и III кл.), Рени (I и III кл.), Рыбницу, Бѣльцы, Могилевъ, Окницу, Новоселицы, Елисаветградъ, Умань, Цвѣтково, Вапнярку, Луцкъ, Брестъ, Бѣлостокъ, Граево, Радзивиловъ и Волочискъ.	5	12 ч. 55 в.	6	7 ч. утра.
Смѣш. (только III кл.). На Одессу и Брестъ	11	7 ч. 45 у.	12	7 ч. 41 м.
Пасс. I, II и III кл. На Николаевъ, Екатеринославъ, Севастополь, Полтаву, Знаменку и Черкассы.	3 bis	9 ч. 33 у.	4 bis	6 ч. 33 в.
Пасс. I, II и III кл. На Николаевъ, Екатеринославъ, Севастополь, Полтаву, Елисаветградъ, Знаменку, Черкассы, Шполу и Вапнярку.	9	11 ч. 20 в.	10	7 ч. 54 у.
Смѣшан. I, II и III кл. до Бѣлой Церкви	29/30	5 ч. 5 д.	27/28	9 ч. 5 у.
По Московско-Кіево-Воронежской жел. д.				
Почтов. (I, II и III кл.)	4	11 ч. 55 в.	3	8 ч. 5 у.
Пассаж. (I, II и III кл.)	6	12 ч. 50 д.	5	4 ч. 45 д.
Пассаж. (I, II и III кл.)	8	7 ч. 00 в.	7	12 ч. 35 н.

Редакторъ Д. ПИХНО.

„Благо Жизни".
(Сказка).

Мраченъ, грозенъ повелитель,
Словно угли блещутъ очи,
На челѣ повисла дума,
Словно туча грозовая.
Жмется дворъ въ углу тревожно,
Скрылись трепетныя жены...
Вотъ ужъ годъ хандритъ владыка,
Вотъ ужъ годъ, какъ онъ страдаетъ:
Какъ то разъ запало въ душу
Повелителю желанье—
Пожелалъ узнать великій,
Что такое благо жизни.
Обѣщалъ мѣшокъ со златомъ
Онъ тому, кто отгадаетъ,
Кто же явится напрасно
Передъ свѣтлыми очами,
Будетъ брошенъ въ подземелье.
Много мудрыхъ потрудились
И философовъ ученыхъ,
Но они не разгадали,
Къ сожалѣнью, ничего.
Тѣ-жъ изъ храбрыхъ, что старались
Разъяснить все благо жизни
Передъ свѣтлыми очами,
Лишь владыку раздразнили—
И въ ужасномъ подземельи
Коротали жалкій вѣкъ.
Вотъ что молвили владыкѣ
Эти мудрые безумцы:
«Благо жизни, молвилъ первый,
Это сонъ!»—Глупецъ безумный!—
Вскрикнулъ грозно повелитель
—«Ну какое-жъ это благо,
Коль теряешь ты сознанье,
Коль тебя ограбить можетъ
Даже маленькій мальчишка.
Взять нахала съ глазъ долой,
Взять и бросить въ подземелье,
Чтобъ не смѣлъ предъ наши очи
Онъ являться съ чепухой»
«Благо жизни—наши жены»,
Прошепталъ второй философъ.
Но еще грознѣй прикрикнулъ
Повелитель на него:
—«Наши жены! ну и благо—
Мало рогъ носили, носимъ
И носить мы вѣки будемъ
Всѣ отъ блага твоего!
Взять и этого въ темницу».
Третій выступилъ философъ
И промолвилъ: «благо жизни
Это злато»—но не далъ
Продолжать ему владыка:
—«Вонъ изъ глазъ моихъ наглецъ»;
Заревѣлъ онъ львомъ въ пустынѣ—
И несчастнаго постигло
То-же, что и первыхъ двухъ.
Съ той поры хандра напала
На великаго владыку—
Вотъ ужъ годъ, какъ онъ напрасно
Ждетъ рѣшителя вопроса:
Что такое благо жизни.
Наконецъ, пришелъ рѣшитель...
Кто же онъ, философъ древній?..
Нѣтъ, старикъ одѣтый бѣдно
По профессьи—жалкій нищій
Подошелъ онъ прямо къ трону
И безъ всякій предисловій:
«Благо жизни—это вотъ»...
Прошепталъ старикъ безстрашно
И дрожащею рукою
Подалъ грозному владыкѣ
Даръ Аравіи далекой—
Горсть простого табаку.
«Не сверкай впередъ очами,
Положи въ кальянъ, попробуй,
Покури и послѣ скажешь.
Былъ я правъ, или не правъ».
Только разъ онъ затянулся
И сбѣжали вдругъ морщины
Съ просвѣтлѣвшаго чела,
Затянулся вновь—и очи
Потеряли блескъ зловѣщій,
Засіяли яркимъ свѣтомъ
Мира, братства и любви.
И схватилъ тогда въ объятья
Старца бѣднаго владыка,
И воскликнулъ зычнымъ гласомъ.
. . . .
Я позналъ земное благо!»..
. . . .
Кто-жъ изъ братьевъ кіевлянъ
Тожъ узнать то благо хочетъ,
Пусть къ Эгизу обратится—
Заготовитъ массу блага
Домъ Торговый «І. Эгиза»,
Стоитъ фунтъ земнаго блага
2 рубля и восемь гривенъ
И зовется это благо:
Аравійскимъ табакомъ.

Вновь выпущенный табачной фабрикой Іосифа Эгиза настоящій привозной турецкій табакъ безъ швары подъ названіемъ «Аравійскій» волокнистой не перетертой крошки, удивительно пріятнаго вкуса и аромата продается въ собственныхъ магазинахъ: 1) Крещатикъ, д. Поповой, № 23, 2) Подолъ, Житній базаръ, д. Блиндера. 1 ф. 2 р. 80 к., ½ ф. 1 р. 40 к., ¼ ф. 70 коп. Гг. иногороднимъ покупателямъ табакъ высылается по первому требованію. Почтовый расходъ на счетъ получателя. Р.12144













Продолжается подписка на 1899 годъ
еженедѣльный иллюстрированный журналъ

Природа и Люди

X-ый годъ изданія

52 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ №№ каждый № въ размѣрѣ 2 листовъ большого формата (**16 страницъ плотной печати**) даетъ разнообразное, интересное и полезное чтеніе.

12 БЕЗПЛАТНО книгъ „ПОЛЕЗНОЙ БИБЛІОТЕКИ"
будутъ заключать въ себѣ двѣнадцать выпусковъ иллюстрирован. изданія

ЗЕМЛЯ И ЕЯ НАРОДЫ.

(„Живописная Европа", „Живописная Африка", „Живописная Австралія съ Океаніей" и „Полярныя страны").
Соч. знаменит. нѣмец. географа **Фр. Гельвальда**

12 КРОМѢ ТОГО, том. соч. **Гус. ЭМАРА.**

Съ первыхъ №№ въ журналѣ печатаются „Приключенія Новаго Робинзона", Луи Руссемона, 30 лѣтъ прожившаго среди дикарей. Приключенія Новаго Робинзона въ короткое время разошлись за границей въ количествѣ **800,000** экземпляровъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

5 РУБ. на годъ безъ доставки въ С.-Петербургѣ; въ Москвѣ (у Н. Печковской) 5 р. 50 к. съ дост. въ Спб. и Москвѣ и перес. во всѣ города Россіи **ШЕСТЬ** руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 Марта 1 руб., къ 1 Мая 1 руб. и къ 1 Іюля остальные.
Пробный № высылается за 7 к. марку.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Конторѣ редакціи, Стремянная, № 12, собств. домъ.
Издатель *П. Сойкинъ*. Редакторъ *Ф. Груздевъ*.

вт.1-2Р.12150

ЗА ОДИНЪ РУБЛЬ
во всѣхъ книжн. магазин. и кіоскахъ Рос. Имп. продается:
„АЛЬМАНАХЪ-ЕЖЕГОДНИКЪ"
Ц. О. Белоновскаго
ВСЕРОССІЙСКІЙ КАЛЕНДАРЬ на 1899 г., содержащій около 500 страницъ и 174 рисунка.
Купите книгу, ознакомьтесь съ ея полезнѣйшимъ для всѣхъ и каждаго содержан. и Вы навѣрно **не пожалѣете затраченнаго РУБЛЯ**. Выписывающ. отъ издателя: *СПБ., Демидовъ п.*, прилаг. за перес. по почт. таксѣ.

№1-15 Р12333

2,538 саж. продается **усадьба** и аренд. по улицѣ 90 саж., очень удобна для фабрики, завода, садоводства и цвѣтоводства. Глубоч. шос., 46. всчт 9-10 1393

Желаю купить домъ прошу присылать подробные заявленія предъявит. квит. «Кіевлянина» № 1456, почтов. конт. Посред. прошу не писать. чтпд.5-6 1456

Продаю 114 дес. земли въ 14 верст. отъ стан. Киверцы, Волынской губ. Михайловская, № 15, кв. 7. 2№ 4-10 1492

Открыта подписка на 1899 г.
на еженедѣльный иллюстрированный журналъ

ВОКРУГЪ СВѢТА

15-й годъ изданія

50 иллюстрированныхъ №№ въ годъ. Романы, повѣсти, путешествія, научныя статьи и пр.
КРОМѢ ТОГО, БЕЗПЛАТНО
СЕРВАНТЕСА **„ДОНЪ-КИХОТЪ"**. въ двухъ томахъ,
и СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **ГУСТАВА ЭМАРА,**
10 ТОМОВЪ: лучшихъ романовъ: 1. Арканзасскіе трапперы. — 2. Пограничные бродяги. — 3. Чистое сердце. — 4. Вольные стрѣлки. — 5. Гамбузиносы. — 6. Сакраменто. — 7. Масъ-Горка. — 8. Розасъ. — 9. и 10. Красивая рѣка.
2 РОСКОШНЫЯ ПРЕМІИ: Проф. И. К. Айвазовскаго „Буря у береговъ Крыма". Проф. Лагоріо „Севастополь, открытый рейдъ".
— ПОДПИСНАЯ ЦѢНА —
НА ГОДЪ: безъ картинъ **4 р.** съ двумя картинами **5 р.** съ доставкою и пересылкою.
Адресъ редакціи: Москва, Ильинскія вор., д. Титова.

* 4-5 Р10655

Мамка ищ. мѣста. Б. Житомирская, 13, спр. дворника. №2-2Р12158

ЛЕДЪ прод. пудами. Прорѣзная, д. № 10, спр. дворн. №4-4 Р12064

Для красоты лица.

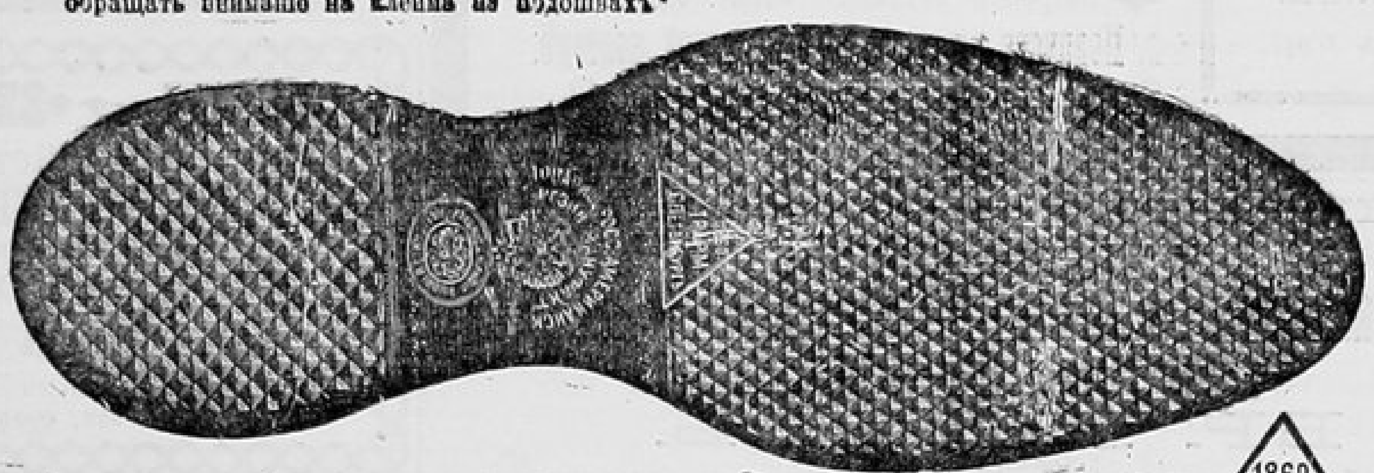
БОРНО-ТИМОЛОВЫЯ ОТРУБИ АЛЕКСАНДРА БОЙНОВСКАГО.

Борно-Тимоловыя отруби тѣмъ отличаются отъ мыла, что не содержатъ въ себѣ щелочныхъ и другихъ ѣдкихъ веществъ, и потому придаютъ тѣлу свѣжесть и сохраняютъ мягкость кожи. Молочная вода, получаемая отъ **Борно-Тимоловыхъ отрубей,** служитъ пріятнымъ умываніемъ.
Цѣна 40 коп., съ перес. не менѣе 3-хъ кор. по 55 коп.
Продается вездѣ.
Оптовая и розничная продажа въ аптекарскомъ магазинѣ **А. Бойновскаго**, Большая Владимірская, № 25. *чт46-100 Р5917

На Всероссійской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ **ЗА РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ ЕДИНСТВЕННО** Товарищество Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры удостоено высшею наградою, т. е. повтореніемъ права изображенія Государственнаго Герба.

1865. 1870. 1882. 1896

ТОВАРИЩЕСТВО
РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНУФАКТУРЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
учрежденное въ 1860 году,
проситъ при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ** обращать вниманіе на клейма на подошвахъ



на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860", въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).
1860 Т.Р.А.Р.М. С.ПЕТЕРБУРГЪ

в10-10Р10021

НАСТОЛЬНЫЙ
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ
Изд. Т-ва А. ГРАНАТЪ и К°.

Четвертое стереотипное изданіе съ значительными измѣненіями

(ок. 1000 столбцовъ новаго текста и 50 новыхъ приложеній). Въ изданіи принимаютъ участіе: проф. Д. Н. Анучинъ, проф. П. Г. Виноградовъ, прив.-доц. П. И. Вознесенскій, проф. Ю. С. Гамбаровъ, М. Я. Герценштейнъ, В. А. Гольцевъ, В. Н. Григорьевъ, прив.-доц. И. Я. Гурляндъ, Г. А. Джаншіевъ, проф. И. А. Каблуковъ, прив.-доц. А. И. Каминка, Я. Н. Колубовскій, проф. В. Ф. Левицкій, проф. Э. Г. Лейстъ, проф. К. Э. Линдеманъ, д-ръ М. Е. Ліонъ, прив.-доц. Лось, проф. И. В. Лучицкій, П. Н. Милюковъ, проф. С. А. Муромцевъ, В. А. Мякотинъ, проф. П. А. Некрасовъ, проф. В. М. Нечаевъ, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, В. П. Острогорскій, проф. Э. Ю. Петри, проф. В. В. Подвысоцкій, А. С. Постниковъ, А. С. Пругавинъ, проф. Э. Л. Радловъ, прив.-доц. А. Р. Свирчевскій, прив.-доц. В. Д. Соколовъ, проф. А. С. Тауберъ, проф. К. А. Тимирязевъ, прив.-доц. М. И. Туганъ-Барановскій, проф. Н. А. Умовъ, проф. А. Θ. Фортунатовъ, проф. О. Д. Хвольсонъ, проф. А. И. Чупровъ, проф. В. Г. Щегловъ и мн. др.

8 томовъ (бол. 11,000 столбц. убористой печати), **71,890** статей и замѣтокъ, **1567** портретовъ и рисунковъ, **26** географич. картъ, **200** таблицъ рисунк. и статистич. таблицъ. **Цѣна 38 руб.,** въ перепл.—**42 руб.** За пересылку 10%. **Допускается разсрочка отъ 1 р. 20 к. въ мѣсяцъ. ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ** съ отзывами печати, выдержками изъ текста и условіями разсрочки высылаются **БЕЗПЛАТНО.**

Открыта подписка на
Дополнительный (IX-ый) томъ

Настольнаго Энциклопедическаго словаря. Дополнительный томъ, при тѣхъ-же размѣрахъ, какъ и основные тома (672 страницы въ 2 столбца убористой печати), будетъ заключать рядъ крупныхъ образовательныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія, до **7,500** дополнительныхъ замѣтокъ, множество статистическихъ таблицъ и иллюстрированныхъ приложеній. **Цѣна дополнительнаго тома 5 р.,** въ переплетѣ—**5 р. 50 к.**; за пересылку 10%. Дополнительный томъ будетъ продаваться только по подпискѣ, при чемъ подписка принимается лишь до 15 февраля 1899 г. Гг. подписчики имѣютъ внести при подпискѣ **3 р.**; на остальную сумму будетъ наложенъ платежъ при высылкѣ тома.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА:
Москва, Б. Никитская, д. Рихтеръ. *4-4Р.11470

С.П.Б. ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ
послѣднія новости:
„ФИГАРО", „РЕКОРДЪ"
ЛУЧШІЯ ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА
Пріятный освѣжающійароматъ смягчаютъ кожу, придаютъ нѣжность и бѣлизну.
ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ. Просимъ остерегаться подражаній и требовать на этикетахъ слово: **„ТЕХНО"**
Главный складъ: С.-Петербургъ, Коломенская ул. № 12.

*5-18 Р.10445

ТОВАРИЩЕСТВО
БРОКАРЪ и К°
ИЗОБРѢТАТЕЛИ
„ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА"
УПОТРЕБЛЯЕТСЯ КАКЪ ДУХИ, ТУАЛЕТНАЯ ВОДА И КУРЕНІЯ.



Предостереженіе:
При покупкѣ просимъ обращать вниманіе *на нашу фабричную марку:* такъ какъ въ настоящее время хорошее качество изобрѣтеннаго нами „ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА" заставляетъ другія фирмы подражать какъ названію, такъ и внѣшнему его виду.
БРОКАРЪ и К° ВЪ МОСКВѢ 1864 г. 1864 г.

*13-20 Р.4982

1,000 самыхъ практич. **ПОДАРКОВЪ** въ магазинѣ „Японская мебель". Фундуклеевская, № 4, надъ кондитор. Франсуа. к. 46-100 Р.9073

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.
ВИНОТОРГОВЛЯ
Г. Н. ХРИСТОФОРОВЪ и К°
ВЪ КІЕВѢ.

Многолѣтняя извѣстность **ВИНЪ** собственныхъ садовъ **Г. Н. Христофоровъ и К°** на Южномъ берегу Крыма и довѣріе, оказываемое потребителями нашей фирмѣ, побудило нѣкоторыхъ торговцевъ **къ подражанію этикетовъ схожими съ фирмой Г. Н. Христофоровъ и К°.** Почему покорнѣйше просимъ нашихъ почтенныхъ покупателей при покупкѣ **обращать вниманіе на этикеты и пробки, на которыхъ значится Г. Н. Христофоровъ и К°** только при такихъ знакахъ фирма гарантируетъ доброкачественность и натуральность выпускаемыхъ своихъ винъ.
Съ почтеніемъ Г. Н. ХРИСТОФОРОВЪ и К°.
всерпт 31-100 Р.473

ПО СЛУЧАЮ желаю пріобрѣсти **СКРИПКУ** для начинающаго. Предложенія адресовъ. въ редакц. «Кіевл.», подъ букв. В. Е. № 3-3 00

БАРСКІЯ КВАРТИРЫ по 9 комнатъ со всѣми удобств. Нестеровская, № 42, прот. Владимірскаго соб. чтс63-10 1473

Студ. репет. уч. стар. клас. по мат. и др. яз. Б.-Васильк. 45, кв. Кудиша. №5-5 Р.11982

№ 4711
„Captol"
КАПТОЛЬ Косметическая ВОДА для Волосъ
Противъ Головной перхоти
приготовлена по указаніямъ докт. мед. **І. ЭЙХГОФФА.**
Единственный фабрикантъ *Ферд. Мюльгенсъ*
Колокольная № 4711, Кельнъ и Рига.
Поставщикъ Двора Его Императорскаго Величества.
NB. Составныя части воды для волосъ „Каптоль" показаны на каждомъ флаконѣ.
Цѣна за 1/1 бут. 2 руб., 1/2 бут. 1 руб. 20 коп.

пн.пт.23-26 Р.2931

1,000 МАРОКЪ
(для коллекцій)
всѣхъ частей свѣта, не сортированныхъ (смѣшанныя), безъ русскихъ, со многими рѣдкими экземпл., напр., **Наталь, Японія, Индія, Аргентина, Квинслэндъ, Чили, Ямайка, Гвіана и пр. и пр. Цѣна только 2 р.** съ пересылкою. Адр.: Н. Дальштремъ, С.-Петербургъ, Рузовская ул., № 37. чт5-8 Р11239

Остерегаться поддѣлокъ!
ДѢТСКОЕ РОМАШКОВОЕ МЫЛО
Лабораторія А. ЭНГЛУНДЪ.
Нейтральное мыло, не содержащее въ себѣ эфирныхъ маслъ.—Рекомендуется какъ туалетное мыло для ежедневнаго употребленія.
Цѣна 30 коп. за кусокъ.
Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись: **А. Энглундъ**, красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.
Оптовая продажа въ Южно-Русскомъ Обществѣ Торговли Аптекарскими Товарами. 10-20Р5912—

Корсетный магаз. **M-me Marie,** Крещат., № 52. Большой выборъ корсет. разныхъ фасоновъ и матер. Пріемъ заказовъ. **Чистка** и поправка. **Кашъ-Корсе.** 2№ 58-100 Р5761

ЕДИНСТВЕННЫЕ ПО ПРОЧНОСТИ ЧУЛКИ
безъ шва, модныя кофточки, гамаши, надвязка чулокъ, бинты для рож. и бер. Въ мастерской **ФЛОРЫ ЭЛЕМЪ** въ Кіевѣ, Н.-Елисаветинск., 20. всчв 88-100 3900

ШКОЛА кроя и шитья дам. дѣтс. и верх. нар.
С. В. ОСТРОВСКОЙ,
Б.-Васильковская, 5, кв. 6, возвратясь домой, Островская опять **ЛИЧНО** руковод. преподав. въ школѣ. Пріемъ ученицъ ежедневно отъ 10 до 2 ч. Ручат. за **успѣхъ.** чтвс. 52-100Р.5176

При школѣ кроя и шитья платьевъ **Н. Г. БАЙКОВОЙ** (быв. нач. профес. школы въ С.-ПБ.) открыты курсы шитья бѣлья и спеціально дѣтск. вещей. Фундукл., 50. чтвс. 93-100 Р.359

СТЕКОЛЬНО-ЗЕРКАЛЬНО БАГЕТНО-РАМОЧНЫЙ МАГАЗИНЪ
С. А. ГУЛЕНИЦКАГО.
Большой выборъ зеркалъ, алмазовъ и колпаки.
Принимается вставка стеколъ въ городѣ и въ провинціи **Крещатикъ, д. Биска, № 14.**
всчт38-50 351

ДЛЯ ПОДАРКОВЪ
Бинокли, Лорнеты, Очки, Пенснэ, Микроскопы, Стереоскопы, Барометры, Термометры, Фонографы
въ Оптическомъ магазинѣ
Н. ФАЛЬБЕРГА, КІЕВЪ,
Крещатикъ, №. 40.
Р837 285-308

ТОЛЬКО РАЗЪ ВЪ ЖИЗНИ БЫВАЕТЪ ПОДОБНЫЙ СЛУЧАЙ
БОЛЬШАЯ РАСПРОДАЖА



Одинъ изъ большихъ американскихъ заводовъ издѣлій изъ бѣлаго металла „Британь" (British Silver), который по виду и качеству нисколько не уступаетъ настоящему серебру, вынужденъ былъ назначить окончательную распродажу всѣхъ своихъ товаровъ.
Ликвидація находящагося въ Вѣнѣ европейскаго склада этого завода поручена мнѣ, поэтому желающіе могутъ получать отъ меня за ничтожную цѣну 14 руб., въ которую входитъ уже мною уплаченная въ Россію пошлина и пересылка, нижеслѣдующія вещи:
6 штукъ америк. патентован. (British Silver) столовыхъ ложекъ.
6 " " " " вилокъ.
12 " " " " чайныхъ ложечекъ.
1 " " " " большая разливная ложка.
1 " " " " малая " ложка.
2 " " " " подставокъ для яицъ.
6 " фруктовыхъ ножей бронзированной стали съ фарфоровыми черенками. (Vieux Saxe.)
6 " " вилокъ " " " " "
3 " подставокъ для ножей и вилокъ британск. сереб.
2 " америк. патентован. столовыхъ подсвѣчника
1 " " " сѣтка-ложка для чая.
1 " " " сѣтка-ложка для сахара.
1 " Спиртная скороварка „Идеалъ" эта новоизобрѣтенная машинка варитъ необыкновенно скорымъ образомъ поглощая самое незначительное количество спирта. Всего 54 штукъ стоятъ 14 руб. Желающихъ воспользоваться рѣдкимъ случаемъ просятъ поспѣшить своими заказами, ибо продажа будетъ производиться только пока хватитъ наличнаго запаса товара. Съ требованіями можно обращаться на русскомъ языкѣ. Всѣ вышеозначенные 54 штуки стоятъ съ упаковкою и уже уплаченною мною пошлиною и пересылкою только 14 рублей. Заказы исполняются по полученіи денегъ или наложеннымъ платежомъ. Во избѣжаніе какихъ либо недоразумѣній покорнѣйше просятъ принять къ свѣдѣнію что фирма **Rix** въ Россіи никакихъ представителей или Агентовъ не имѣетъ и адресовать. Заказы только на адресъ **RIX. EXPORTHAUS,** Wien, II. Praterstrasse Nr. 14/18 U.

во 2-6 Р11086

ТОВАРИЩ. **А. РАЛЛЕ и К°**
ПОСТАВЩИКИ ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА МОСКВА
ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ **Левкой** *Oeillet blanc*
ДУХИ, МЫЛО, ЦВѢТОЧ. ВОДА, ПУДРА.
Москва, Кузнецкій мостъ, Верхніе Торговые ряды 34/44. С.Петербургъ, Невскій 18; Садовая 25.

*75— Р3811

№ 4711. **№ 4711.**
Кто любитъ запахъ настоящей фіалки, тотъ пусть требуетъ
ЭССЕНЦІИ „РЕЙНСКАЯ ФІАЛКА". (Violette du Rhin.)
Чистый запахъ Фіалки, крѣпкій, даже въ теченіе нѣсколькихъ недѣлей не выдыхающійся.
No. 4711 Savon violette du rhin, No. 4711 Sachets violette du rhin.
Всѣ одинаковаго превосходнаго качества.
Продается въ парфюмерныхъ и во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ. втсб 6-8Р11471



Знаменитое бѣлье
Королевско-Саксонск. и Королевско-Румынск. придворн. поставщиковъ
МЕЙ и ЭДЛИХЪ, ЛЕЙПЦИГЪ-ПЛАГВИТЦЪ
самое изящное, практичное и дешевое, и ничѣмъ не отличается отъ наилучшаго полотнянаго бѣлья. Оно стоитъ только нѣсколько копѣекъ за штуку и обходится вслѣдствіе этого дешевле стирки полотнянаго бѣлья, при чемъ избѣгаются также сопряженныя съ послѣдней непріятности. Когда оно загрязнится, его бросаютъ и носятъ такимъ образомъ постоянно новое безукоризненно сидящее бѣлье, которое превосходно сохраняетъ свой видъ даже при усиленномъ потѣніи. Для военныхъ, путешеств. и холостяковъ оно положительно необходимо и никто, испробовавъ его, не вернется больше къ полотняному бѣлью. Каждая штука бѣлья имѣетъ клеймо: [рукопожатіе] а также фирму: Mey & Edlich Leipzig. Представитель г. **Г. Ф. Коргольдъ въ Кіевѣ**, оптовая продажа въ Кіевѣ: «**Бѣлостокское Комиссіонерство**», Крещатикъ, № 11. оптово-розничная продажа при магазинѣ «**ПРИМА**», Прорѣзная, № 3, розничная продажа во многихъ галантерейныхъ магазинахъ. *12-26 Р6358

Акціонерное Общество
С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
Измайловскій пр., № 27.
Парижъ. 1889 ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ Нижн.-Новг. 1896.
КОЛЬДЪ-КРЕМЪ
Вазелинъ душ., Патъ-Велюръ, Миндальныя отруби для кожи.
Фабричная марка.
Въ продажѣ у извѣстныхъ торговцевъ парфюмерными товарами и въ аптекарскихъ магазинахъ. *2-2 Р8828

НОВОСТЬ.



Прелестные карманные металлическіе часы, заводъ безъ ключа, настоящіе никкелевые, тщательно провѣренные, на крышкѣ помѣщенъ художественно исполненный портретъ Государя Императора Николая II, къ нимъ цѣпочка новаго золота и парижскій компасъ.

За все только 5 рублей.

Прилагается печатное ручательство на 4 года. Вышеупомянутые часы высылаются немедленно и безъ задатка наложеннымъ платежомъ.

Требованія прошу адресовать въ городъ ВАРШАВУ, ГРАНИЧНАЯ УЛ., № 6, КУПЦУ І. ВУЗЕЕРУ.
Прейсъ-куранты высылаются безплатно. ср. 11-16 Р.9502

ПУХЪ И ПЕРЬЯ
оптовая и розничная продажа въ магазинѣ
А. ШТИГЛИЦА
Домъ, гдѣ гостиница «Санъ-Ремо», входъ съ Костельной ул. Прод. иска. паромъ очищ. пухъ и перья. Приготовл. разн. подушки, перины и гагачій пухъ. Прин. зак. всср36-50 490

Аптечный и косметическій складъ
ПРОВИЗОРА М. М. ГЛѢБОВИЧА,
КІЕВЪ, БОЛЬШАЯ ВАСИЛЬКОВСКАЯ, № 22.
Предлагаетъ осенняго разлива с. г. натур. минер. воды. Свѣжій медицин. рыбій жиръ. Рузанова соки и эссенціи для водокъ и ликеровъ. Франкфуртскій порошокъ для печенія тѣста и всѣ товары для домашняго хозяйства. Елочныя свѣчи и украшенія, а также въ громадномъ выборѣ послѣднія новости космет. и парфюм. товаровъ лучшихъ русскихъ и заграничн. фабрикъ: Леграна, Делетре, Бертрана, Пино, Роже и Галле, Убигана и другія разныя туалетныя принадлежности.
срвс 93-100 Р5124

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°, въ Кіевѣ.